

Владимир Лавров

ХРОНИКИ БОЕВЫХ АНГЕЛОВ

Книга Вторая

Ангел
второго
уровня

Хроники боевых ангелов

Владимир Лавров

**Книга вторая. Ангел
второго уровня**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лавров В.

Книга вторая. Ангел второго уровня / В. Лавров —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Хроники
боевых ангелов)

Мрачный и опасный мир, созданный бесами. Ангелы воплощаются на поверхности в телах людей, чтобы принести в мир понимание чистоты, правды и создать чистые религии. Но для того чтобы внедрить улучшения, надо сначала выжить, а в мире, где царит сплошное зло, это совсем непросто. Дополнительные сложности приносит требование старших ангелов, ставших богами заблокированного мира, о логичном развитии мира на основе собственных противоречий, так, чтобы все изменения казались людям изобретёнными обычными людьми. Приходится младшим ангелам воплощаться без памяти о прошлых подвигах, без магических способностей и без надежд на явные посещения их другими ангелами. И только любовь других ангелов в телах людей позволяет им не пасть в уныние и не отчаяться. Так в битвах между армиями чёрных колдунов, среди сплошной несправедливости и общего озлобления, создаются новые философии, новая любовь и новые виды искусств. И никто не сможет разобрать, какую миссию для младших ангелов придумали старшие для улучшения мира, а какую - для их собственного преображения и выхода на новый уровень мудрости. В этом мире смерть - только разменная монета, а страдания - не более, чем материал для создания инструментов. Спецназ Всевышнего приведен в действие - пером, мечом, луком и лирой, где угодно, когда угодно и всегда для общего блага.

© Лавров В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 2	6
Глава 1. Сын вдовы	6
Глава 2. Облачный замок	15
Глава 3. Новая жизнь	27
Глава 4. Чёрные колдуны	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Лавров

Хроники боевых ангелов

Часть 2

Ангел второго уровня

Глава 1. Сын вдовы

Мы были большим и дружным кланом до тех пор, пока Неведомые не съели всю мою семью. Я никогда не забуду ту ночь. Мне было тогда шесть лет.

В ту ночь дедушка как раз рассказывал миф о том, как богиня изобилия танцевала для того, чтобы позвать в гости человеческие души, а пришёл один из богов грома. Дедушка не только очень красиво рассказывал, но и показывал происходящее театром теней, виртуозно используя комбинации из пальцев. На самом интересном месте мне захотелось на горшок. Мама пошла со мной в пристройку очень неохотно – дедушка был виртуозным рассказчиком.

Это была одна из тех летних ночей, когда Неведомые шелестят по крышам домов и никто под крышами не может уснуть от ужаса, включая животных. Чтобы не сидеть в тишине, глядя с ужасом на потолок, люди в такие ночи рассказывают разные истории. Так происходило и в нашей семье. У нас была большая и дружная семья, многие хорошо пели, и мы все помогали друг другу.

Мы с мамой вышли в пристройку, я достал свой горшок. Мама поставила масляный светильник на тумбу, а сама привалилась к закрытой двери – чтобы запах не шёл. Я присел и стал корчить рожи Наке, нашей собаке, и телёнку. Нака стукнула хвостом о пол, телёнок посмотрел на меня укоризненно.

– Без баловства! Делай дела быстрее, – поторопила мама.

И тут в главном помещении погас светильник.

В наших домах всегда горят два светильника. Ночами, когда Неведомые ходят вокруг домов, единственное спасение от них – это свет. Стоит свету погаснуть, как Неведомые проникают в дома через мельчайшие щели и высасывают жизнь из всех, кто дышит. Поутру соседи по селу находят только тела без мяса, с совершенно целой, но иссушенной до состояния старой коры кожей. Скрюченные от боли, эти тела наводят ужас на всех, кто их хоть раз видел. Такое происходит чаще, чем хотелось бы. По этой причине в каждом доме всегда горят светильники. В храмах жрецов и замках волшебников – на каждом шагу, в замках дворян – десятки, в хатах простых пахарей – как минимум два. Если один светильник погаснет, на время, пока его будут зажигать, защиту обеспечит второй. Свет – это единственное, что может отпугнуть Неведомых.

Никто не знает, как они выглядят. Никто не знает, чем они живут, как едят и как их можно убить. Все, кто их видел, уже никогда никому ничего не скажут. Наш народ знает только одно – если остался вне жилья после захода Светила, тебе конец.

Когда-то в наших лесах жили дикие животные, а над полями летали птицы и насекомые. Это было ещё при дедушке нашего дедушки. Потом что-то произошло. Появились Неведомые. В одни сутки, точнее, в одну ночь, погибло большинство населения – все, кто не был на свету. Большие города превратились в маленькие деревни. Исчезли дикие животные, из насекомых выжили только те, которые прятались в домах. Вслед за насекомыми исчезли многие растения. Дедушка говорил, что теперь мы выращиваем намного меньше видов растений, чем раньше. Каким-то чудом ухитряются выживать вороны и некоторые горные птицы – те, что

живут высоко в горах. Выжили многие пчёлы. Дедушка говорит, что мы живы только потому, что оставшиеся пчёлы опыляют наши растения.

И вот один светильник в главном помещении погас, а второй был в пристройке, за закрытой дверью. Мама лихорадочно начала открывать дверь, чтобы осветить главное помещение, но опоздала.

Ба-бах! – входная дверь слетела с петель, и за стенкой раздался вопль ужаса. Мама вместо того, чтобы открывать дверь, задвинула засов и сползла на пол. Я подвинулся к маме. Следующий час мы слушали, как за дверью кто-то разгрызал кости. Мама всю ночь зачем-то очень сильно прижимала меня к себе.

Наутро мы обнаружили, что стали изгоями общества. Нет, никто над нами не насмеялся. Соседи демонстрировали сочувствие, даже помогли маме вынести останки и навести порядок. Но вскоре пришёл помещик и объявил, что наши поля переходят другим семьям. В один момент из зажиточной и процветающей семьи мы превратились в нищих без каких-либо средств к существованию. Мама плакала и просила оставить нам хоть какое-нибудь маленькое поле, но помещик был неумолим. Он сказал, что мама не сможет пахать сама, и, соответственно, не сможет платить налог на поле, а ему надо поставлять продовольствие в город, князю, да ещё и своих воинов кормить.

– Проси милостыню у тех, кто способен пахать, свиней и коров продай, можешь ещё попробовать дальние огороды обрабатывать. Вам для прокорма женщины и ребёнка меньше зерна надо, чем хорошей лошади, – посоветовал помещик напоследок и усакал.

«Дальними огородами» назывались земли, до которых нужно было идти два часа. Все поля, которые находились рядом с деревней, были разобраны и поделены помещиком между теми, кто способен пахать. Выводить лошадей и другую скотину на дальние огороды строго не рекомендовалось из опасения, что при малейшей заминке они не успеют вернуться под защиту света. В давние времена эти земли засеивались разными злаками, там даже было несколько деревенок, принадлежащих нашему помещику. Те их жители, которые не погибли при первом появлении Неведомых, переселились поближе к центральной усадьбе, а поля оказались заброшенными. Совет обрабатывать дальние огороды был абсолютно нереальным – обработать эти поля вручную было невозможно. Постепенно они зарастали лесом.

Лишь немногие отчаянные головы рисковали засеивать дальние огороды овсом, для животных. Но таковых находилось немного, времени на это у мужиков не хватало. Огромное количество работы в поле плюс необходимость дежурить в замке помещика – охранять его от набегов отрядов соседних помещиков – не оставляли никакого времени для посторонней деятельности.

Во всей этой истории было что-то неправильное. До этих пор Неведомые нападали, проникая в дома через мельчайшие щели в стенах и дверях. Как правило, всех погибших находили за запертыми дверями. А в нашем случае была не только выбита дверь, но и в дощатой крыше проделана огромная дыра. Тела были не просто иссушены, но ещё и все кости были разгрызены. До сих пор такого не происходило никогда, Неведомые каким-то образом ухитрялись поглотить всё мясо, не сделав ни одного разреза на теле. Соседи судачили, что это, наверное, появился такой новый сорт нечести. Шепотом передавали друг другу известие о том, что в дальнем приморском городе Дельни был пророк, который говорил, что вскоре на месте обычных Неведомых появятся костяные драконы – те же Неведомые, но с огромной физической силой.

Впрочем, такие случаи в нашем районе больше не повторялись. А про другие районы странствующие торговцы рассказывали такое, по сравнению с чем наше событие казалось лёгкой неприятностью.

С тех пор мы с мамой жили жизнью попрошаек. Основное помещение нашего дома отремонтировать не удалось. Мама кое-как залатала крышу досками, чтобы не лило, но денег на

крепкую дверь не хватило, и мы жили в той пристроечке, в которой ранее коротали ночи домашние животные. Мама пыталась шить на заказ, пробовала другие работы. Не получилось ничего – мужчин было намного меньше, чем женщин, и всю возможную женскую работу делали члены их семей. В итоге мы выживали за счет простых подачек – тех мешков с овсом, что жалостливые односельчане брезговали давать своей скотине. Ещё что-то маме удавалось зарабатывать во время уборки урожая, батрача на соседей.

Основной вкус моего детства – это вкус овсяной каши грубого помола с рыбой, которую я ловил в окружающих ручьях. В большие праздники удавалось получить кусочек белого хлеба. Каким же сладким и вкусным он был!

Так продолжалось до тех пор, пока за вершину Гормелы – соседней горы – не зацепилось Облако. Облака за Гормелу цеплялись и раньше. Это очень забавная картина, когда на фоне совершенно безоблачного синего неба у вершины горы висит одинокое белое облачко, похожее на клочок ваты из телогрейки на гвозде, оставленном нерадивым хозяином в стене. Те из наших селян, кто бывал во внутренних покоях замка нашего помещика, говорили, что там находятся несколько картин с похожими сюжетами – гора и зацепившееся за него облако. Говорят, что картины выполнены в разных техниках – и гравюры по дереву, и цветные картины, написанные маслом. Хорошо, наверное, быть помещиком, есть время рисовать картины... или даже заказывать их бродячим художникам. Нашим селянам, как правило, некогда поднимать голову, чтобы заметить какую-либо красоту вокруг.

До недавних времён облака исчезали или улетали через день – два. Но когда за гору зацепилось Облако и не исчезло ни через неделю, ни даже через две, это заметили даже самые приземлённые пахари.

Вообще-то наша местность является скорее равнинной, чем холмистой. Гора торчит посреди равнины на добрые три тысяча шагов вверх. Она совсем одинока, если не считать нескольких холмов и скал, составляющих её окружение. Это из-за горы в нашем районе мало пахотной земли, значительные площади занимают скалы. Зато у нас много ручьёв, спадающих живописными водопадами со склонов Горы.

Первую неделю детей посылали поутру посмотреть, висит ли Облако ещё на месте или нет. Откуда-то пошло убеждение, что если Облако всё ещё на месте, значит, день будет удачным. Потом к присутствию Облака все привыкли. Некоторые молодые парни похвалялись, что слезят на вершину и посмотрят на облако сверху, но помещик, прознав про такие разговоры, строго запретил отвлекаться от жатвы – стояло то самое время уборки урожая, когда, по известной поговорке, «каждый час месяц кормит».

Так бы облако и оставалось забавным природным явлением, если бы мы с моим дружкой Дином однажды не влипли в драку с соседней улицей. Мне на тот момент было одиннадцать лет.

В тот день я вышел на улицу в сомнении, с чего лучше начать. Можно было попытаться поймать рыбу в озёрцах под горными водопадами или натаскать орехов из рощи за замком. Дела были равноприятными и равноопасными, и потому моё сомнение несколько затянулось. На третьей минуте сомнений я услышал весёлое «Гы-ы!» из-за соседнего забора. Динко, мой товарищ по играм. Не друг, я дружил больше с Варгом, который жил в конце улицы. Но с Динко мы тоже неплохо играли.

Дино пальнул в меня косточкой от вишни и промазал, отсюда и происходило его «Гы».

– Вишни дашь?

Динко перелез через забор и протянул мне торбочку с вишней. Из-за забора донеслись крики – бабушка Дина ругала его за то, что он мог обрушить забор. Дин не обратил на её слова никакого внимания.

– Пойдёшь к Меч – камню за земляными орехами? – предложил Дин.

– С каких это пор там земляные орехи растут? – удивился я.

Дин пожал плечами – растут, мол. Я задумался. Земляные орехи – вещь вкусная и питательная, не хуже рыбы. Меч-камень, правда, находился довольно далеко, на склонах Гормелы, и дело могло затянуться до вечера. Вечером ловить рыбу, конечно, совсем не то, что утром, но ради орехов стоило рискнуть. Да и само путешествие к камню было достойным приключением. Итак, дело было решено: мы идём за земляными орехами!

Первым делом надо было найти длинную палку. Какой путешественник без дорожного посоха? Им можно было сшибать лопухи, мерить глубину луж и делать тысячу других полезных дел. Не припомню ни одного случая, чтобы посох пригодился хоть кому-нибудь из нас по прямому назначению – перепрыгивать через лужи или отбиваться от собак, но отправиться за околицу без длинной палки было делом немыслимым.

Эти палки жили своей жизнью. Каждый раз, возвращаясь из путешествия, мы тщательно прятали их под лопухами, и каждый раз они оттуда исчезали. Но зато под соседними лопухами или заборами обязательно находились какие-нибудь другие. Вскоре и у меня, и у Динко были вполне приличные дорожные посохи.

Вторым делом надо было спросить наших собак, не хотят ли они составить нам компанию. Нака потянулась и отправилась с нами. Бубус, пёс семьи Динко, стукнул хвостом о землю, но из тени не вылез. Зато у околицы к нам пристали Полкан и Пират – собаки, жившие с одним совсем спившимся мужичком по имени Анко. Они не были его собаками, они у него только ночевали, а днём ловили мышей – тех, что ухитрялись выживать в соломе под крышей домов. Иногда они составляли нам компанию в ловле рыбы. Собаки ловили рыбу на удивление ловко. Совсем мелкая рыбёшка из нашего улова тоже доставалась им.

С собаками было намного веселее. Псины бежали по тропинке, принохиваясь к разным диковинам по дороге. Они то отставали, то обгоняли нас. Когда они пролетали мимо нас серыми стрелами, главным делом было вовремя подвинуться. Собаки весили ненамного меньше нашего и вполне могли снести своим весом. Их мохнатые бока задевали наши голые ноги то слева, то справа. Этот поход был для них приключением не меньше, чем для нас.

Мы с Дином шли и важно обсуждали услышанные от взрослых новости – что в ходе последнего набега воинов нашего помещика на соседей им удалось отобрать украденные ранее в нашем селе горшки и прочую утварь, и что теперь следует ждать ответного набега. Взять замок соседнего помещика штурмом нашим не удалось.

Честно говоря, я никогда не слышал, чтобы кому-нибудь из помещиков удавалось взять штурмом замок соседа. Обычно ворота замков успевали вовремя закрыть, а единственной добычей нападавших становились выставленные на улицу для просушки горшки, коврики и прочая мелкая утварь. Не считая, конечно, морального удовлетворения в виде возможности погонять безоружных селян. Иногда нападающим удавалось угнать телегу. Но такое случалось редко, все запасы зерна, все телеги и железные инструменты хранились обычно в замке помещика. Смысла во всех этих набегах практически не было. Так я и сказал Дину.

Динко принялся со мной спорить. Он утверждал, что только сила нашего помещика защищает нас от наглых и жадных соседей. За этим разговором мы понемногу дошли до Меч – камня. Прямо под скалой, спиной к нам сидел Отти, мальчишка с соседней улицы, и собирал земляные орехи. Они действительно здесь росли!

При виде Отти Динко издал утробный рык и кинулся к старому врагу. Отти был младше нас на год, но он был с соседней улицы, и этого было достаточно, чтобы быть для Динко абсолютным врагом. Во время последней крупной драки Отти стоял за спинами старших ребят и очень ловко стрелял рябиной из камышины. В частности, он попал в глаз Дину.

Отти не успел убежать. Динко схватил его за шею и принялся отвешивать пощёчины, слева и справа, довольно жмурясь и рыча. Наши собаки развернулись и отправились по своим делам. В наших делах они участия старались не принимать.

Я почувствовал, что происходит нечто неправильное, что так не должно быть. Среди своих ровесников и знакомых по улице я считался слабаком. Целью их жизни было собраться в группу и отлупить ребят с соседней улицы. Те отвечали тем же. Любые встречи за пределами села тут же перерастали в побоища. Когда какая-нибудь из сторон оказывалась в значительном меньшинстве и получала слишком сильно, пострадавшие бежали к вожакам своей улицы и жаловались на вредность нападавших. Вожаки объявляли общий сбор и назначали соседней улице место битвы. Вызов всегда с удовольствием принимался, поскольку другая сторона, как правило, считала себя не менее обиженной. Битва начиналась перебранкой, в ходе которой обе стороны долго перечисляли разнообразные обиды, а заканчивалась всегда одинаково: большим побоищем, после которого каждая улица считала себя победителями. Иногда мы объединялись с соседней улицей против третьей и четвёртой улиц села, но такое случалось редко. Чаще каждая улица враждовала с тремя другими.

Мне всё это казалось абсолютной глупостью. Нет, я не уклонялся от общего сбора – это было просто невозможно, свои отлупили бы за прогул сильнее, чем чужие. Но во время драки я чаще всего стоял в стороне и лишь изредка отражал удары тех, кто хотел напасть на меня. Меня за это дразнили слабаком и маменькиным сыночком (чаще всего в форме «Вдовый сын»), но мне это было безразлично. Я каждый раз говорил, что люди не должны жить в такой вражде и что в этом есть что-то неправильное. Надо мной в ответ смеялись.

Вот и сейчас, видя, как Динко удовлетворяет свою страсть к мести, я почувствовал, что так не должно быть.

– Не надоело маленького бить? Если хочешь отомстить, дай ему по жопе и отпусти. Чего ты его избиваешь, будто это цель жизни?

– Не-а, не надоело, – весело откликнулся Дин, – я этих гадов с соседней улицы сколько хочешь могу бить.

Тут Отти извернулся, пнул Динку ногой в грудь, вырвался из захвата и удрал. Динко взвизгнул и помчался следом. Я неохотно двинулся на них.

За поворотом скалы шла драка. Отти, оказывается, пришёл сюда не один. За поворотом дрались старшие парни, соседи Отти и парни с нашей улицы. Отти, очевидно, услали с места боя как маленького, чтобы под ногами не мешался. В эту кучу неожиданно врезались Отти и Дин. Отто пригнулся и проскочил под руками своих товарищей. Дин с разбега ухитрился протаранить строй дерущихся и оказался за спинами наших ребят.

Нашей парней было намного меньше. Они уже проигрывали, когда появились Отти с Дином, но не могли отступить, поскольку были зажаты со всех сторон противниками. Воспользовавшись секундной суматохой, они развернулись и бодро кинулись наутёк. Динко бросился за ними. Я остался один позади строя противника. Чужие парни развернулись ко мне с явным желанием выместить всю неизрасходованную злобу на отставшем.

– Они меня поймали и били много раз! – злорадно наябедничал Отти. А я ещё заступался за него...

Я развернулся и побежал обратно. Думать о том, что произойдёт, если меня догонят, не хотелось. Обычно, когда чужие заставляли меня за рыбалкой, всё обходилось несколькими оплеухами и рассыпанной рыбой. Как правило, мои жалобы на то, что рыба – наша единственная еда, достигали цели. Но в этот раз всё было по-другому. Парней лишили уже почти достигнутой победы, к тому же они горели желанием отомстить за Отти. Как назло, бежать приходилось в гору. Старшие парни начинали настигать. Единственным спасением было залезть на Меч – камень.

Окружающие редко что-либо дарили мне, зато всегда охотно делились советами. А я всегда очень внимательно слушал. Как-то раз дядька Аншар, дальний мамин родственник, рассказывал мне, что ему довелось путешествовать по стране, где были одни только горы, и что там люди карабкались по скалам, как мухи.

– Ты не представляешь, на каких маленьких выступах скалы может висеть человек, – говорил дядька. Я его слова принял к сведению и в следующий раз попробовал ползти по нашим скалам. Получилось не сразу, но потом оказалось, что это действительно легко. С тех пор я иногда лазил по вертикальным скалам просто так, для удовольствия. Остальные мальчишки моего увлечения не приняли. Большинство мальчишек не смогли поверить своим глазам и моим словам о том, что на каждой скале полно необходимых зацепок, сколько я ни показывал. Они сочли моё умение колдовством, и я прослыл чудаковатым. Впрочем, эта слава принадлежала мне и прежде, так что от меня не убыло. Теперь это умение могло спасти мою шкуру.

Я кинулся к Меч – камню и вскарабкался по вертикальной трещине.

– Вот же проклятая кошка! – услышал я снизу досадливо – восхищённые восклицания врагов.

За мной не решился лезть никто. Некоторое время они пытались кидать в меня камнями, но я просто забрался повыше и кинул вниз один камень. Они поняли, что мои камни способны нанести намного больше ущерба, и с ругательствами отошли подальше. Тогда один из чужаков притащил своего пса. Это был не обычный пёс породы «дворняга», с которыми мы братались всё детство, а настоящий цепной пёс. Скорее всего, семья утаила одного из щенков после того, как помещик дал на выкармливание выводок своих псов – людоедов. Этот пёс был крупнее обычных собак минимум вдвое, а злобы в нём было на четверых. Хозяин тащил его на кожаном ремне, прочно закреплённом на строгом ошейнике. Даже во время предыдущей драки пса не спустили с привязи, что говорило о многом. Парень – хозяин пса торжествующе заквакал:

– Значит, так, недоумок. Сейчас ты спустишься вниз, и мы тебе тихо выьем один глаз. А если ты не спустишься, я оставлю здесь своего пса до темноты. Когда начнёт смеркаться, я затрублю в рог, и он успеет добежать до деревни. А ты – нет.

Я похолодел, но смог прошептать:

– Это убийство. Ты забыл, как оно наказывается? Тебя привяжут к столбам на ночь.

– У нас будет множество свидетелей того, что мы весь вечер были в селе. Никто не докажет, что наша собака тебя сторожила. А ты спускайся, и останешься жив, – засмеялись злодеи. После чего оставили пса сторожить спуск со скалы и ушли. Ещё долгое время спустя я слышал их весёлые голоса – они нахваливали земляные орехи.

Солнце палило немилосердно. Было жарко, хотелось пить. Я достал тыквенную флягу, сделал один глоток. Воду надо было экономить.

– Ты, небось, тоже пить хочешь? – спросил я у пса, – Может, сбегает к ручейку, полает? А я тут пока за тебя посторожу?

Пёс с рычанием кинулся на скалу, так, будто хотел взобраться следом за мной. На какую-то секунду мне показалось, что у него получится. Но через три метра он начал замедляться, а затем сполз вниз. Ну и злобная же скотина мне попалась!

Я всерьёз рассмотрел идею напасть на пса. С детства я много раз возился с собаками и прекрасно знал, что если успеть ухватить их за подбородок, засунув палец в пасть, то они вместо того, чтобы откусить палец, начинают вертеть головой, открывать рот, пятиться и пытаются стряхнуть руку. С любой из дворняг я бы исполнил этот фокус играючи. Но этот пёс... он был тяжелее меня вдвое. Он стряхнёт меня раньше, чем успею его повалить. И на наших собак надежды никакой... Поэтому я просто разлёгся на горячем камне и начал смотреть на Облако (больше смотреть было не на что). Через некоторое время перед глазами поползли фантазии о том, чем бы могло быть это необычное облако. Мне представилось, что Облако – это большой такой кусок небесной манны, который можно есть, сколько хочешь. От таких мыслей захотелось есть... А пёс внизу всё не уходил.

Через пять часов, когда светило уже начало клониться к закату, жара допекла и пса. Несколько раз он уходил и возвращался, чтобы проверить, не сбежал ли я. Я торчал на вершине

скалы. Наконец пёс решил, что успеет добежать до ручейка попить, и ринулся к ручью. Мне сверху было видно, как шевелится трава по пути к водопаду. На моё счастье, он был довольно далеко. Я тут же слез со скалы с противоположной стороны и побежал вверх по склону. Чем ближе к вершине, тем больше было одиноких скал, на которых в случае чего можно было укрыться от собаки. Я надеялся, что мне повезёт и пёс не обнаружит моего исчезновения – последние часы я лежал на вершине, невидимый для него, и почти не дышал. Я надеялся обогнуть гору с другой стороны, пробежать между Красной скалой, над водопадом «Пенка» и вернуться в деревню ещё засветло.

Мне не повезло. Пробежав мимо всего двух скал, я увидел чёрную спину преследователя. Я думал, что бегая и карабкаюсь быстро, но на высоту трёх метров я успел забраться лишь за миг перед тем, как огромные зубы щёлкнули под моими ногами. Я взобрался повыше, а пёс опять уселся караулить. На вершине этой скалы было много маленьких камней. Я немного развлёкся, покидав их в собаку. Не попал ни разу – пёс оказался на удивление ловким.

Светило начало заходить. Хозяин собаки всё не отзывал её. Наконец, когда внизу уже почти стуслилась темнота, прозвучал сигнал рога. Пёс подхватился и помчался в село. И как им удалось так хорошо его обучить?

В этот момент передо мной возникла маленькая, не больше локтя, девочка с крылышками за спиной и приказала:

– Беги в гору!

За всю мою жизнь до сих пор эта девочка появлялась всего три раза. Каждый раз она появлялась на несколько коротких миггов, чтобы выдать вот такой короткий приказ и исчезнуть. Два раза я её не послушался. В обоих случаях непослушание закончилось очень печально. Один раз я больно упал с дерева, второй раз мы вместо купания в реке просидели несколько часов под деревом, прячась от невесты откуда взявшегося ливня. Еле домой тогда до темноты успели... В третий раз я по совету девочки остался дома и не пошёл собирать ягоды в лес. Дети, которые пошли по ягоды, попали под грозу. Один человек тогда погиб от удара молнии.

Несколько раз я пытался осторожно расспрашивать стариков, не слышали ли они наяву или в сказках о таких существах, которые помогали людям советами, появляясь перед ними на недолгое время. В сказках было много ужасающих персонажей, но никого похожего не наблюдалось. Как бы там ни было, крошечная девочка была, очевидно, на моей стороне, и я решил последовать совету.

Я слез и побежал наверх, в гору. В долине, где располагалось село, было уже темно. Мне ни за что не добраться до дома до темноты. Возможно, наверху я найду какую-нибудь пещерку или нору, наберу веток, разведу костёр... Кремень у меня с собой.

Моё внимание привлёк визг снизу. Я подошёл к краю скального обрыва. Было видно, как внизу пёс метался между десятками полупрозрачных силуэтов. Больше всего они были похожи на тени – большие и маленькие чёрные тени, такие тени отбрасывали бы люди, если бы ноги и руки превратились в огромные многоугольники. Только вот не было никого, кто мог бы отбрасывать такие тени. Они двигались сами по себе, причём вертикально. Некоторые тени вообще не имели формы.

Злой мальчишка не рассчитал время – он не знал, что мы находились намного выше того места, где он нас оставил. Пёс некоторое время пометался между тенями, не переставая визжать. Тени двигались не быстрее бегущего человека, но ухитрились загнать собаку в кольцо. А потом одна из теней – самая высокая – прыгнула вперёд и легла на бедную животину. Ничего особого не происходило, но собака вдруг стала плоской и скрюченной. Поглотившая её тень немного увеличилась в размерах. Вот, значит, как они это делают. Я осознавал, что надо бежать наверх, где ещё было светло, но не мог заставить себя сдвинуться с места.

Дальше произошло нечто совсем неожиданное. Из-за кромки леса появилась огромная тень и накинута на ту, что только что съела собаку. Поглощение и на этот раз произошло

быстро и бесшумно. Остальные тени взволнованно метались вокруг большой, но старались держаться от неё подальше. А потом они все собрались и потекли единым потоком вниз, в долину. Наверх не двинулась ни одна тень. Судя по всему, здесь, по их мнению, было совершенно безжизненное место. А ещё я заметил, что эти тени не умели подпрыгивать. Они держались над землёй, но взлетать не могли. Теперь понятно, почему выжили пчёлы, горные птицы и те из птиц, кому хватило мозгов не опускаться после захода Светила на землю.

Я развернулся и двинулся вверх – туда, где не было Теней. Чем больше пустой земли останется между нами, тем лучше. По пути я примечал ближайшие скалы, чтобы было, где отсидеться в случае нападения. А потом я подумал, что всегда хотел взглянуть на Облако вблизи.

Восхождение заняло три часа и отняло много сил. Та лепёшка, которую мне утром дала с собою мама, давно перестала быть даже воспоминанием. Есть хотелось невероятно, но я упорно лез вверх. Никогда бы не подумал, что могу лезть наверх так быстро. Было в этих тенях что-то невероятно жуткое, страх придавал сил.

Взрослые говорили, что облака вблизи выглядят, как туман. Войдёшь в него – и как в тумане. Выйдёшь – опять видно далеко – далеко. Это облако поначалу тоже выглядело, как туман. Но потом начались странности. Первая странность произошла, когда я влетел головой в какой-то сгусток. На ощупь он был похож на жидкую кашу, но при этом плавал в воздухе. Вляпавшись в такие сгустки ещё раз пять – шесть, я научился их избегать. Видно при свете звёзд было плохо, но даже этого света хватало, чтобы увидеть более плотные сгустки материи. Вскоре между жидкими сгустками начали встречаться и твёрдые. Это было ещё более удивительным – твёрдые, как древесная кора, эти «камни» были очень лёгкими. А ещё они были легче воздуха! Если взять их рукой, а затем отпустить, они стремились подняться вверх!

Ближе к вершине твёрдых сгустков стало так много, что они превратились в сплошной монолит. Я с трудом прокладывал себе путь между твёрдым основанием облака и горой.

На расстоянии около руки – двух от горы твёрдый материал превращался в ту самую встретившуюся мне поначалу «кашу» – вязкую смесь, которая пролегалa между Облаком и горой и, очевидно, не давала Облаку треснуть. При мне несколько раз, когда начинал дуть ветер, твёрдый монолит облака наваливался на гору, но вязкая «каша» принимала на себя всю нагрузку и мягко передавал её на гору. Идти при этом становилось трудно, как через воду, но всё равно возможно.

Наконец, после блужданий в кромешной тьме, я поднялся над верхней поверхностью Облака. Здесь было холодно, но так красиво! Видно было на много тысяча шагов вокруг. Серебром змеилась река, вытекавшая из Малого озера за замком, темнели леса. Прямо подо мной простиралась немного всхолмленная поверхность Облака. Я и не думал, что оно настолько большое! В длину оно было, наверное, три тысяча шага, а может, и больше. Мало того, отсюда становилось видно, что облако было не одиноким – с него тянулись переходы на другие облака, которые не были видны из нашей деревни. Это было не одиночное облако, а целая облачная страна! Я посмотрел на вершину и на облако. Вскарabкаться на вершину и погулять по облаку было одинаково страшно и одинаково любопытно. Наконец я решил, что на Облаке, скорее всего, теней не бывает, и что там безопаснее.

Я выбрал площадку поровнее, разбежался и прыгнул на твёрдый край – так, чтобы при случае упасть на склон горы не слишком высоко. Но Облако меня легко выдержало. Да и не удивительно – подо мной было много сотен шагов твёрдого летучего материала.

Я двинулся к центру. Поначалу идти было тяжело, белый летучий материал был довольно холмистым. Потом стало легче, поверхность стала ровнее, только кое-где вздымались вверх белые «скалы» самой причудливой формы. Споткнувшись о ветку, я упал и обнаружил, что на поверхности облака росла трава! Ветка, о которую я споткнулся, отвалилась от куста смородины. В темноте я принял его за один из камней. Здесь росли растения!

Смородина была огромной, вдвое больше нашей, и намного вкуснее. Это было то, что надо для того, кто долго не ел. Жажду я кое-как утолил из ручьёв, стекающих с горы, а вот есть по пути было нечего. Через пару минут чавканья меня догнала мысль о том, что там, где может быть одно растение, могут быть и другие. Я начал методично исследовать окрестности и нашёл две низенькие яблони, а за ними – грядки с картошкой. Здесь жили люди! Я испугался и подумал, что там, где живут люди, могут быть и Неведомые Тени, и начал присматривать скалу или дерево повыше. Впрочем, на меня никто не нападал, и я принялся пробовать яблоки. О том, что хозяева этих мест могут на меня обидеться, я как-то не подумал. Сказалась привычка думать о людях так, будто они всегда сидят ночью взаперти.

Пока я пробовал яблоки, небо на востоке начало розоветь. Нет, ещё не начало светать, но света хватило хотя бы на то, чтобы отличать растения от скал. Я пошёл искать дома местных жителей.

Небольшая хижинка нашлась сразу за посевами. Все три её помещения были выдолблены в белом материале. Причину такой архитектуры я понял очень быстро. Стоило маленькому «камешку» отломиться от монолита, как он тут же улетел вверх. Да, трудно им тут приходится. Нам тяжело поднимать камни и переносить их, чтобы построить дом. А местным жителям, чтобы построить жильё, приходилось долбить белый «камень». Сделаешь лишний удар – крыша отвалится и улетит вверх. При мысли об улетающей крыше меня почему-то разобрав смех. Похоже, местные яблоки действовали на сознание.

Смеяться на самом деле было нечему. Дверь была открыта настежь, на полу валялись разные вещи, – типичная картина панического бегства. Хижина явно была покинута в спешке. Я прикрыл дверь и решил вздремнуть пару часиков. Бродить в темноте по чужому облаку – не самая лучшая идея. Особенно если ты до этого вообще по облакам не ходил. Я решил, что если облако за это время оторвётся от горы и улетит, то я наберу в рубашку летучего материала – столько, сколько нужно, чтобы только чуть-чуть не лететь вверх, и спрыгну. Летучесть материала не даст мне разбиться. То-то будет веселья, если я приземлюсь посреди деревни на рубашке! А ещё лучше – посреди замка помещика! Возможно, он даже даст нам с мамой за это мешок пшеницы...

С такими мыслями я уснул, надеясь проснуться через час – два и обнаружить новые диковины.

Глава 2. Облачный замок

Действительность превзошла все ожидания. Во-первых, проснулся я не ранним утром, как собирался, а почти в полдень. Такого со мной никогда не случилось! Обычно я просыпался на рассвете. Да и как было не проснуться? Ведь впереди было так много интересных дел: рыбалка, сбор ягод, походы с собаками... Но тут приключения предыдущего дня утомили меня до полного изнеможения.

Я выполз из домика, чтобы подкрепиться, и застыл от удивления. От моего места и до самой середины облака тянулись сады. Кое-где они террасами карабкались на холмы облака. А на возвышении в центре облака стоял... замок. В отличие от домиков, выдолбленных в облаке, замок был серым. Но удивительнее всего было то, что посреди прекрасных садов не было видно ни одного человека. Я всерьёз рассмотрел идею о том, что они умерли от болезни, и что пора смазать пятки. Но ни одного мёртвого человека видно не было, и любопытство победило.

За хижинкой я нашёл капусту. Это было лучше, чем сырая картошка или яблоки. Прихватив с собою увесистый запас, я двинулся к замку. На этот раз – по настоящей дороге.

Соседние домики были милыми, аккуратными... и совершенно пустыми. Везде виднелись следы поспешного исхода – сваленные на полу вещи, брошенные инструменты, забытые игрушки, сломанные телеги с пустяковыми поломками. Игрушки я изучил с особым вниманием. Судя по этим плетёным из травы куклам, здесь знали коров или коз, выращивали кроликов или зайцев, похоже, были и собаки.

Замок казался совсем близким, но пока я дошёл до него, весь взопрел. Дорога оказалась довольно извилистой, а облако – больше, чем я думал.

Вблизи замок оказался огромным. В отличие от окружающих домов, он был выстроен из самого настоящего камня – тёмного, тяжелого и твёрдого. Из-за тёмного цвета и высоких стен замок производил впечатление мрачное и угрожающее. Этот замок был гораздо больше, чем замок нашего помещика. Но наш помещик был самым простым дворянином, даже не бароном, самого мелкого из князей нашего королевства, а здесь, похоже, жил великий князь облачной страны. Причём большой страны.

Я двинулся к воротам. Ворота находились с противоположной стороны, и пришлось обходить весь замок. Когда они наконец показались в виду, я с удовлетворением отметил, что правила строительства здесь не отличались от наших. Ворота были узкими, такими, чтобы едва – едва могла проехать телега. А ещё ворота были сломанными. Одна створка была выбита и висела на верхней петле.

Судя по всему, жители облаков тоже промышляли набегами. Что объясняло и отсутствие людей, и следы поспешного бегства. Скорее всего, людей угнали на облако завоевателей, все ценности, которые можно было унести, унесли, а неубранные поля бросили.

Я немного потоптался перед входом в замок. Встретить в коридорах обезумевшую от голода собаку совсем не хотелось. Потом я подумал, что захватчики могли унести не все ценности, и что какая-нибудь мелкая драгоценность могла остаться. Эта мысль придала мне сил, и я шагнул во двор замка.

По всему двору были расставлены в очень странных позах цельные рыцарские доспехи. Позы были настолько нелепыми, что я заподозрил неладное: вдруг это внезапно умершие люди? Я даже подошёл и заглянул в некоторые. Нет, доспехи были абсолютно пустыми – во всяком случае, насколько можно было разглядеть на уровне выше пояса. Очень странное украшение для замка. В моём мире каждый из этих доспехов стоил бы примерно как половина нашего села, но тащить мне их было совершенно не под силу. Поэтому я переступил порог главного здания и углубился в коридоры.

В коридорах замка тоже было много скульптур рыцарей в странных позах. И зачем делать такую лежащую скульптуру, у которой правая рука завёрнута за спину так, что выходит с другой стороны, как вторая левая? А некоторые рыцари вообще стояли, обнявшись.

По коридорам я ходил недолго и почти сразу попал в главный зал. Судя по всему, пройденные мною коридоры были просто раздевалками и гардеробными для гостей.

Главный зал был огромным. Сразу было видно, что здесь не боялись Неведомых Теней – огромные окна вздымались до потолка, а высокие входные двери не имели тех многочисленных запоров, без которых не мыслилась ни одна дверь в моём мире.

Я пошёл вдоль пиршественных столов. Судя по трем рядам столов и многочисленным лавкам, хозяин замка кормил несколько сотен рыцарей и слуг. И куда же они делись?

Я приблизился к трону. На трон, видимо, в качестве последней шутки, кто-то усадил белую скульптуру девочки моих лет. Я бы назвал ее симпатичной, если бы щёки не были белее, чем платье, вырубленное из какого-то белого камня. Я поразился тому, насколько подробно вырезаны на платье мелкие узоры и кружева.

Впрочем, я никогда не интересовался скульптурами и переключился на поиск чего-нибудь более ценного и менее габаритного. Первым делом я исследовал висящие на стенах щиты. Они были очень хорошими. В качестве символов на щитах чаще всего использовались птицы, но было и несколько растительных узоров. Не представляю, как рыцари могли бросить свои щиты. Металл на щитах был прекрасного качества, отлично обработан и без пятнышка ржавчины. Я подумал, что если не удастся найти сокровищницу, то стоит прихватить с собой пару щитов. Можно будет выменять на каждый по мешку пшеницы.

Я уже намеревался перейти к осмотру кухни, когда услышал высокий голос:

– Почему ты трогаешь мои щиты без спроса?

Голос, как это ни странно, принадлежал «скульптуре» на троне. Девочка пошевелилась, и я понял, что то, что я принял за камень скульптуры, было просто мастерски выполненным заполнением между низом платья и ногами хозяйки. Никогда не видел такой одежды! Девочка была упакована так, что под одежду даже комар не пробрался бы. От неожиданности я смог сказать только:

– А это что, все твои щиты? – я подразумевал, что девочка не сможет носить сразу столько щитов.

– Всё, что находится в замке и на облаке князей ото Сигалини, принадлежит князю! – ледяным тоном ответила девочка.

Из-за трона вышел очень старый человек, одетый в длинную чёрную мантию и с пренебрежительным мечом в руках.

– Он тревожит вас, госпожа? – проскрипел старик, наступая на меня.

– Простите, нигде не было живых. Я не хотел вас побеспокоить, я просто хотел узнать, что произошло, – торопливо начал оправдываться я.

– И стянуть пару вещей поценнее, – угрожающе продолжил старик.

– Я не встретил ни одного живого человека. Куда они все делись?

– Ты ещё смеешь задавать вопросы? – старик замахнулся мечом.

Я торопливо отступил.

– Было нападение... угнали всех... мама и папа погибли... а потом я сказала Слово..., – почему-то смущённо ответила девочка. При этих словах старик удивлённо взглянул на девочку, а затем убрал меч и отошёл за трон.

– Ага, я так и подумал, что был набег и всех работников украли. У нас такое тоже бывает. Ещё раз простите, что побеспокоил. А кто вы и как вас зовут?

Девочка на троне выпрямилась и запела:

– Айсфинг, принцесса облака ото Си...

Старик при этих словах кашлянул. Девочка без тени смущения продолжила:

– Айсфинг, великая княгиня облака Си, владельница облаков Мира, Даро, Сали и Милли, наследная владельница трёх столов и шести замков, защитница народа, повелительница дождя, владельница ветров.

Я поискал в своих скудных запасах воспоминания о том, как следует обращаться со знатью, не нашёл ничего подходящего и просто поклонился:

– Приветствую вас, ваше высочество.

Старик кашлянул.

– Нечего кашлять, Домакс! Всё равно эта деревенщина не ведаёт отличия высочеств от величеств. Да и какая я теперь княгиня... Ты – это весь мой народ, – Айсфинг собралась заплакать.

Я не люблю смотреть, как плачут девчонки, а потому для отвлечения внимания решил спросить:

– А почему ваше облако зацепилось за гору и не улетает?

– Потому, что некому выйти за ворота замка и организовать отлёт. Нападавшие привели с собою боевых крыс, несколько до сих пор остаются на облаке.

– А они опасные?

– Обычные крысы не опасны. Они роют норы в глубинах облака и ловят жучков. Но если напоить их яблочным вином, то они становятся боевыми крысами. А эти специально с рождения обучены войне, их не жучками кормили, а мясом с кровью. Они в три раза больше обычных.

Я поёжился:

– А они сильные?

– Рыцаря в доспехах перекусывают пополам.

Я представил себе открытые ворота замка, и мне стало нехорошо:

– Может, я сбегая, ворота закрою?

– Не беспокойся. Боевая крыса в доспехах в ворота не пролезет.

– Так они ещё и в доспехах?

– А какой смысл вест крыс на войну, не одев их в доспехи? – искренне удивилась девочка.

Против этого было сложно возразить. Я припомнил кое-что из слов девочки:

– А вы что, умеете управлять полётом вашего облака?

– А что там сложного? Выбираешь высоту, на которой дует ветер того направления, которое тебе нужно, поднимаешь облако на эту высоту и летишь туда.

Я почесал в затылке:

– Ну да, ничего сложного. Я должен был догадаться. А почему крысы меня не тронули, когда я сюда шёл?

– Тебе просто очень сильно повезло. А потом, после моего слова большинство крыс сейчас в самом низу облака и ещё очень долго будут там.

– А как вы будете жить здесь дальше, ваше величество? Я хотел сказать, некому работать в полях и прислуживать вам?

– Не знаю. Вообще-то когда ты вошёл, я думала, что это пришла боевая крыса съесть меня. Это было бы выходом.

Всё это она сказала совершенно обычным, немного грустным тоном. Я ещё раз посмотрел на девочку. Что она пережила, сидя здесь несколько недель, совершенно одна, без будущего и без общества, если не считать престарелого дворецкого? Уж не повредила ли она в уме? Хотя после такого целым остаться невозможно...

– Но давай сначала поговорим про тебя. Как ты сюда попал? С какого ты облака? Или ты прилетел на грифоне? Я не чувствовала подхода других жилых облаков.

– Нет, княгиня. Я с земли. Залез по горе, потом перепрыгнул на облако.

– Как? Днём облако недоступно.

– Я залез ночью.

– Ночью? И тебя не съели Тени? Не рассказывай сказок.

– Ну, я не совсем по своей воле. Мальчишки с соседней улицы оставили собаку сторожить меня, а потом Тени отвлеклись на неё, а я побежал наверх. Так и добежал до облака.

Девчонка хмыкнула:

– А ты смелее, чем кажешься. Никогда не думала, что кто-нибудь с земли сможет забраться на облако.

– А Тени не смогут зайти как я, через гору? А то они будут здесь уже этой ночью.

– Теней мы не боимся, – гордо ответила Айсфинг.

Мы помолчали. Я теней очень даже боялся, но девчонка развивать эту тему не желала.

– Я мог бы привести сюда людей... если ты предложишь им землю и защиту от Теней.

– Не получится. Если их не съедят крысы, то угонят в плен люди с других облаков. Ты... ты мог бы взять меня на землю? – тут в голосе у принцессы, – простите, княгини, – впервые послышались человеческие интонации. Если до этого она говорила немного свысока, тоном всезганьки – задаваки, то последние слова были сказаны тоном испуганной девочки.

Дворецкий кашлянул.

– Я хотела сказать, что изволю оказать тебе честь и нанять тебя пожизненно на должность охранника и слуги.

При этих словах все смешалось в моем сознании. Я – и первый рыцарь у такой богатой госпожи? Мне вспомнились рыцари нашего господина – как они выезжали на весеннем празднике, все такие красивые, в кожаных доспехах с блестящими заклёпками, и море ремней от амуниции поверх... Чтобы я и стал таким, как они? Да какое там «таким», в сто раз наряднее! Здесь, у княгини, я не увидел ни одного кожаного доспеха, только металл... Наш хозяин был намного беднее госпожи облака. А потом, это мне что же, замок охранять и войска в набеги водить?

– Вы хотите, чтобы я стал первым рыцарем и охранял ваш замок на Земле?

Девчонка горько усмехнулась:

– Не будет никаких замков. Нам придётся прятаться, пока я не войду в силу. А может быть, и вообще всю жизнь. Сейчас те, кто нападал на моё облако, разбираются с награбленным и продают рабов. Но они обязательно вернутся, чтоб заставить меня служить им и управлять облаком. Они не смогут не попытаться захватить такое большое облако. Так что мне лучше быть подальше. Они обязательно будут искать меня на земле, так что мне лучше выглядеть как можно проще.

– Мы с мамой – простые селяне, как вы сможете жить с нами, после замка? У нас даже коровы нету, и козы тоже...

– Корову я тебе куплю, обещаю. Главное – это чтобы ты согласился стать защитником и никому не продал мою тайну. Ты сможешь быть верным слугой?

– Мое слово – как железо. Но вот только зачем мне это всё? Прятаться от тех, кто будет тебя искать, сражаться с ними... Мне и так непросто живётся.

– Ты получишь две горы золота. Маленькую – сейчас, и большую, в половину твоего веса – через пятнадцать лет, когда мы вернёмся на облако, – торопливо проговорила её величество княгиня Айсфинг. Слишком торопливо. Что-то во всём этом было не так.

– Слишком опасно.

– Пожалуйста! Не бросай меня здесь! – почти заплакала девочка. Значит, она действительно в отчаянном положении. Не могу пройти мимо девочек, когда они плачут и просят о помощи. Да и деваться мне особо некуда. При нашей с мамой жизни любой приработок необходим. Даже если ради этого придётся терпеть рядом девчонку – задаваку.

– Ну ладно, показывай свою кучу золота...

Айсфинг тут же приняла самый надменный вид и потребовала принести клятву. Я согласился – за гору золота можно подекламировать слова. Да и обманывать её я не собирался.

Дворецкий принёс свиток в дорогом футляре, развернул и начал произносить слова клятвы. Я повторял. Айсфинг вертела в руках красноватый камень и что-то нашёптывала. Все это мало отличалось от тех клятв быть хорошими и послушными мальчиками, которые мы каждый год давали на весенних фестивалях изобилия. Но когда после заключительного слова «клянусь» из камня вырвался туман красного цвета и заполз мне в рот, меня опять посетили самые нехорошие предчувствия. Дворецкий не замедлил их подтвердить:

– Теперь молодая госпожа имеет власть над тобой. Если ты предашь её, она сможет сделать тебе очень больно, где бы ты не находился. Ты даже можешь умереть от боли.

Так, значит, девчонка была магичкой? В моём мире маги были самыми богатыми и могущественными людьми. Они водили в бой армии и советовали великим князьям. Впрочем, чего ещё следовало ожидать, при таком дворце? Ну я и влип! От избытка чувств самым красноречивым ответом, который я смог выдать, было мрачное «Угу».

– Ну вот и здорово! Давай сейчас поедим, а потом пойдём драгоценности собирать? – неожиданно весело прошептала моя новая госпожа.

Идея поесть была самой здоровой в этих условиях. От волнений у меня живот уже прилип к спине.

Дворецкий накрыл нам обед в огромной пиршественной зале. Меня усадили за стол напротив Асфинг, и мне это совершенно не понравилось. Хотя этот зал и назывался «малым пиршественным», он был очень большим, из-за чего каждое слово передразнивало неумоимое эхо. Кроме того, стол был настолько длинным, что докричаться до Айсфинг не было никакой возможности. После первых фраз я попросил разрешения сесть поближе, сбоку. Эта просьба вызвала неожиданный энтузиазм у дворецкого:

– Вот и правильно, нечего ему сидеть, как равному, пусть по левую руку сидит. А ещё лучше – стоит и прислуживает.

– А так хотелось представить, что обедаю с первым рыцарем, – недовольно пробурчала княжна с набитым ртом, – ну да ладно, путь садится.

– С чего это я буду ей прислуживать? – возмутился я. Мы договаривались, что я буду защищать и заботиться. А за собой пусть сама ухаживает.

– Деревенщина! Ты забыл, с кем разговариваешь? – попытался возмутиться дворецкий, но Айсфинг его перебила.

– Он прав. Если я буду таскать за собой взвод слуг, никто не поверит, что я простая селянка. Всё равно это лучше, чем уходить одной, как мы хотели поначалу.

Она хотела уходить вниз одна? Мое уважение к ней сразу выросло вдвое. Должно быть, лицо у меня при этом было очень удивлённым, княжна заметила это и подмигнула, а затем ещё и показала язык.

– Воспитанные принцессы ведут себя вежливо и не вертятся за столом, – заученным тоном произнес дворецкий. Очевидно, в десятитысячный раз за жизнь.

– Я теперь не невоспитанная принцесса, а невоспитанная княгиня, – отбрила Айсфинг.

– Простите, госпожа, забылся, – тут же пошёл на попятную дворецкий.

Я перенёс внимание на еду. Обед был обильным, было много мяса и солений, но совсем не было свежих овощей и фруктов. Я вспомнил, что ещё с утра припас пару яблок. Они болтались у меня в рубашке и очень мешали при каждом шаге. Но я так привык, что совсем забыл про них.

– А давайте съедим яблоки? А то они мне ужасно мешают!

Дворецкий отнес яблоки на кухню с непередаваемо брезгливой гримасой. Принёс обратно полностью очищенные, всю шкурку срезал. Как будто я ядовитый какой.

Айсфинг накинулась на яблоко с неожиданной жадностью.

– Ешьте оба, – предложил я. Тогда и дворецкий взял яблоко и проглотил его за один момент. Похоже, они тут очень долго сидят без свежих продуктов.

Проглотив яблоко, Айсфинг начала болтать и болтала весь обед. Правда, ее болтовня через два предложения на третье обязательно заканчивалась вопросом, так что говорить большую часть времени пришлось мне. Её интересовало всё: чему учат в школе, какими словами ругаются и сколько стоят овощи.

– Ты извини, что мешаю тебе есть, но мне так много надо узнать о твоём мире. Чтобы никто не понял, откуда я, – извинилась она к концу обеда. Но я к тому времени так объелся мяса и прочих княжеских блюд, что был готов простить ей что угодно.

После обеда мы пошли в сокровищницу. Но ещё перед этим дворецкий отобрал у меня мою верную спутницу – пропахшую рыбой тощую котомку через плечо. Вместо неё он выдал мне огромный рюкзак из кожи неведомого зверя. Рюкзак был очень удобным, со множеством карманов, а уж пах так упоительно... Один только рюкзак гарантировал месяц зависти всех знакомых. Но дворецкий в следующий миг разрушил все мои мечты покрасоваться в этом шедевре:

– Когда придёте домой, рюкзак очень хорошо спрячь, а ещё лучше уничтожь. По нему вас легко опознают наши враги. Это форменный рюкзак наших воинов – верхолазов.

– А зачем воинам быть верхолазами?

– Чтобы проникать в чужие замки или атаковать врага сверху, со скал, – удивлённо ответил старый дядька.

Похоже на то, что искусство войны здесь было развито намного лучше, чем в нашем мире. У нас при набегах деревни на деревню мужики обычно только дубинами машут и ругаются. Копья и мечи были только у солдат помещика.

Сокровищница была Сокровищницей. С большой буквы. В огромном помещении на полках хранились залежи самых разных украшений. Проклятие, я не знал назначения большинства из них! Я понимаю, что можно на уши повесить семиуровневую подвеску из золота (сережками это чудо ажурного плетения назвать было невозможно). Но зачем вешать браслеты на ноги, да ещё с колокольчиками? Их же не видно под штанами!

Княжна и дворецкий терпеливо объясняли мне: кольцо с прорезью – это в нос. Браслеты на ноги с колокольчиками – для танцовщиц. Круглое тяжеленное кольцо – на голову. Большое кольцо – в пупок. Огромная неподъемная медаль из серебра – наказание для тех из верных слуг, кто своей неловкостью принес больше вреда, чем пользы. Длинные золотые зубы – накладки – для князя, запугивать подчиненных, когда надо показать своё недовольство ими.

Боюсь, я замучил вопросами своих новых знакомых. Но они замучили меня ещё больше. Золотые монеты не бери – их легко опознать по чеканке. Красивые кулоны и подвески не бери – их взяли в качестве добычи некоторое количество поколений назад, по ним нас тоже будет легко опознать. У них, видите ли, характерный художественный стиль. Крупные драгоценные камни не бери – они слишком дорогие, возникнут вопросы. Под конец Айсфинг заявила, что я набрал одну дешевку и что я не смогу нести такой тяжелый рюкзак. А потом вывернула рюкзак на пол. Золотые самородки покатались в дальние углы, но княжна даже ухом не повела. Половину моего выбора она отодвинула в сторону ногой, а освободившийся объём заполнила какими-то невидными камушками. У них, видите ли, сила внутри большая. Мои вопли о том, что в нашем мире за них никто и гроша не даст, были проигнорированы.

Легче рюкзак после переборки не стал. На выходе я разозлился и сунул в карман приглянувшуюся драгоценность – украшение на голову в виде полукруга. Постарался выбрать попроще, не самое красивое. Дворецкий мое «пополнение припасов» видел, но ничего не сказал.

Айсфинг взяла в оружейной маленький кинжал. А вот мне ничего из оружия взять не разрешили – сказали, что всё оружие в замке имеет характерную форму и будет меня выда-

вать, пообещали купить хороший меч на Земле. Полезным дополнением к моему снаряжению стал тёплый дорожный плащ. Из-за противных соседей я оказался на облаке в обычной летней одежде, то есть почти без одежды, из-за чего здорово настрадался по пути сюда. Мой плащ был не таким роскошным, как у княжны, – у той он переливался яркими оттенками алого света, а мой был просто тёмным, – но все равно очень красивым. Я даже не мог вспомнить кого-нибудь, кто носил бы одежду из такой плотной, лоснящейся ткани.

Когда мы вышли наружу, выяснилось, что в сокровищнице провели времени намного больше, чем думали. Светило уже садилось.

– До вечера не дойдём до края облака, – оценила Айсфинг.

– А зачем нам до вечера доходить до края?

– Края облака становятся твердыми и могут выдержать человека только ночью. Днём близко к краю не подойдёшь – провалишься и упадёшь с большой высоты. Но идти к краю надо днём, а лучше утром. Крысы света не любят, они днём вниз уходят.

Так мы остались на облаке ещё на одну ночь. Дворецкий показал мне мою комнату. Она была больше, чем весь наш дом. Когда встал вопрос, что готовить на ужин, я вызвался сбегать за овощами. Айсфинг возражала, но не очень настойчиво.

Ближайшие фермы находились совсем недалеко, так что моя вылазка прошла успешно. Дворецкий расстарался и приготовил столько вкуснейших блюд, что я опять катастрофически объелся. Но зато я успел кое-чему научиться у него в процессе приготовления. Пока мы кружились по кухне, княжна сидела на высоком табурете и продолжала выпытывать из меня разные подробности. Рассказы о моем мире постепенно переросли в обмен разными забавными воспоминаниями, так что приготовления к ужину и ужин прошли очень весело. Айсфинг смыла с себя белую краску и стала намного больше похожа на живого человека.

Ночью уснуть удалось не сразу. Огромный объём неосвещённой комнаты вызывал у меня панику – все время казалось, что из тёмных углов сейчас нападут Тени. К счастью, в комнате был шкаф. Полностью вытянуться в нём не удалось, но если свернуться калачиком, то становилось уютно. Немного погрузившись о маме – как она там, наверное, все глаза проплакала? – я уснул.

Утро началось с небольшой паники – дворецкий меня в шкафу не нашёл и решил, что я пропал. Но потом он за рекордное время впихнул в нас завтрак и выставил из дверей башни. Мы с Айсфинг проснулись только за дверью. Айсфинг попыталась повисеть на шее у единственного знакомого человека из её старого мира, но дворецкий был непреклонен:

– Вам надо идти, госпожа. Промедление опасно. Крысы могут появиться.

Айсфинг дала себя уговорить и, сгибаясь под тяжестью рюкзака, потащила вон из замка. Только на выходе, проходя мимо скульптур рыцарей, она позволила себе их ласково погладить и что-то прошептать. Только тут я понял, что это никакие не скульптуры, а люди, застигнутые во время боя злой ворожкой. Про такую магию, которая может полностью испепелить человека, я даже не слышал.

Первые полчаса мы тащились молча. Айсфинг грустила, я пытался успокоиться после полученного в замке шока. Потом я спросил:

– А куда мы идем?

– Подойдём поближе к краю облака, заберёмся на скалу повыше и будем ждать ночи. На скале нас крысы не почуют.

– А ночью пойдём в деревню через строй Теней?

– Теней можешь не бояться. От Теней я тебя защищу. Но идти ночью неразумно, пройдем сквозь облако и пересидим остаток ночи на какой-нибудь скале.

– Ты умеешь защищаться от Теней?

– А зря я, что ли, камни силы брала?

Я попробовал представить себе мир, в котором люди умеют бороться с Тенями. Это было настолько нереально, что я предпочел думать, что девчонка врёт. Чтобы крохотная Айсфинг могла победить огромную бесплотную, почти бестелесную тень, тыкая в неё кинжалом или кидаясь камнями? Такое не укладывалось в голове.

– Если нам до вечера на скале сидеть, то я, пожалуй, яблок наберу.

Айсфинг занервничала:

– Пожалуйста, не надо, давай лучше скорее до края облака дойдем. На мостовой нас не слышно...

– Я быстро, – выпалил я, скидывая рюкзак.

Огромная яблоня с преаппетитнейшими плодами протягивала свои ветви как раз над забором соседнего дома. Пройти мимо такой красоты было невозможно. Я начал срывать яблоки и кидать их княжне, надеясь, что та будет складывать их. Но противная девчонка даже не подумала протянуть руки, лишь жалась к забору и боязливо оглядывалась вокруг. Прекрасные румяные яблоки стукались о землю и отбивали красивые бока.

Не успел я сорвать и пяти яблок, как выяснилось, что Айсфинг боялась не зря. Земля перед ней взорвалась фонтаном, и из проема появилось ужаснейшее создание. Выглядело оно, как крот размером с корову, которому ещё зачем-то втрое удлинители шею. Всю его переднюю часть покрывали роговые пластины, к которым огромными ржавыми гвоздями были прибиты плиты железа, тоже ужасно ржавые.

Боевая крыса уставилась на Айсфинг, раскачивая своей огромной шеей и разгребая землю мощнейшими лапами с когтями.

– Беги ко мне! Давай руку! – завопил я, свешиваясь с яблони. Айсфинг не двинулась с места, раскачиваясь и напевая.

Крыса вытащила из-под поверхности заднюю часть тела. Я спрыгнул с яблони и понёсся к Айсфинг. Я успел толкнуть девчонку как раз перед тем, как зверь прыгнул. Мы с княжной покатались по земле, но страшные зубы чудовища щёлкнули в стороне. Я успел услышать несколько слов из песни, которую пела Айсфинг. Это была какая-то поздравительная песенка маме, то ли по случаю дня рождения, то ли по случаю дня матери.

Крыса развернулась, чтобы напасть ещё раз. Я схватил княжну за руку и потащил к ближайшему дому:

– Бежим!

Крыса почему-то не стала преследовать нас по поверхности, а нырнула обратно в облако. Айсфинг послушно принялась перебирать ногами, но на бегу проговорила:

– Бесполезно! Крысы... под землёй... роют ходы... быстрее... чем бегают люди!

Я встал, как вкопанный.

– А на дом залезть?

Ещё до того, как княжна ответила, я уже понял всю глупость предложения. Дома выстроены из того же материала, что и облако. Крыса прогрызёт его насквозь быстрее, чем мы залезем. Подтверждая мою догадку, дом впереди покачнулся, с крыши посыпались обломки – крыса поняла, куда мы бежим. Я подумал, что невозможно поймать того, кого не видишь, и потащил Айсфинг к ближайшей яблоне. На нижнюю ветвь её пришлось втаскивать. Потом мы залезли на самую верхотуру и затаились. Нам повезло – крыса несколько увлеклась преследованием и вылезла с дальней стороны дома. Пока она крушила препятствия, мы успели залезть и даже немного отдышаться.

Покрутившись немного среди заборов, зверь ушёл.

– Крысы не выдерживают долго солнечного света, – прокомментировала Айсфинг, продолжая хватать ртом воздух.

Отдыхали мы после этого на ветвях яблони долго...

– Не сходи с дороги, на дороге крысы нас не слышат, – сказала княжна после того, как мы подняли рюкзаки и продолжили путешествие.

– А она разве не из того же материала сделана?

– Под плиты дороги специальную мягкую крошку кладут, чтобы её колёса повозок не разбили, – сказав это, Айсфинг замкнулась и молчала до тех пор, пока мы не влезли на выбранную ею скалу на краю облака.

В другой раз подъём на такую верхотуру я бы посчитал самым большим приключением детства. Выrost облака поднимался над основной поверхностью чуть ли не на тысячушагов. Здесь даже было намного холоднее, чем внизу.

– Понятно, почему здесь можно не бояться крыс, ни одно умное животное не полезет так высоко за просто так, только глупые люди на такое способны, – попытался пошутить я. Айсфинг даже не улыбнулась. По выростам облака она лазила намного быстрее меня. Когда я, задыхаясь, поднялся на выбранную ею полку, она уже давно отдыхала там, неуловимо похожая на кошку, сидящую на ветке дерева.

Выбранное княжной место оказалось довольно уютным, здесь даже была небольшая пещерка. Учитывая сильнейший ветер и прохладу, пещерка оказалась очень полезной. Я сразу спрятался в углублении. Княжна осталась сидеть на выступе, разглядывая своё княжество. Замок и дома города отсюда казались игрушечными.

«Девочка с игрушечной страной, в которой закончились куклы», – вдруг подумалось мне.

– Мы здесь в детстве играли, а взрослые нас ругали, – вышла из молчания Айсфинг, – И правильно ругали. От падений с высоты у нас очень много детей погибает.

Я подумал спросить у неё про друзей детства, но побоялся, что это вызовет только новую волну печали. Потом мы вдвоём засели в пещерке и воздали должное запасам провизии, в том числе злополучным яблокам. Выяснилось, что Айсфинг не знает, что такое «яблоки с бочками». Ей всегда подавали самые лучшие, в крайнем случае – очищенные и нарезанные.

После еды Айсфинг повеселела и сама начала вспоминать о детских играх. Большинство её друзей жило на других облаках – эти бешеные ещё и друг к другу в гости на облаках летали...

Через некоторое время я обеспокоился вопросом, как мы будем в темноте слезать со скалы. Подниматься было просто, выступы скалы редко бывали меньше, чем ступенька хорошей лестницы. Но это днем, и когда лезешь вверх. В темноте спускаться намного тяжелее, особенно когда не видишь, куда ставить ноги.

– Это не сложно, главное – не поворачиваться к скале спиной и всегда держаться на трёх точках – например, две руки и одна нога. А если станет совсем темно, я тебе посвечу, – успокоила меня княжна.

– Как посветишь?

– Собой.

– Ты ещё и светиться умеешь?

– Не я. Камни.

Мысли о магии навели меня на вопросы, которые я давно хотел прояснить:

– А дворецкий сумеет через пятнадцать лет облако обратно пригнать?

– Если не умрёт, то сумеет.

– А если умрет?

– Облако рано или поздно здесь появится. Все воздушные массы делают круг по миру примерно за два года.

– А почему другие за это время его не займут?

– Их облако слушаться не будет. Облако слушается только тех, в ком есть кровь моей семьи. В дворецком её совсем немного, но есть. А все остальные члены моего рода погибли... Кроме того, пока враги думают, что я жива, они на облако не сунутся. Побоятся магии.

– А почему облако слушается только вас?

– Чтобы занять своё облако, надо сначала родить ребенка. Потом надо на грифоне залететь на дикое облако.

– А что, дикие облака тоже бывают?

– Бывают. Только на них жить невозможно, они никого не слушаются, летают себе в вышине, где много света, но холодно, и под дождь их не загонишь... А какой урожай без дождя? Остаётся только на залётных птиц охотиться, но так долго не проживёшь. Так вот, если хочешь занять своё облако, надо залететь на грифоне на дикое облако, собрать рассаду – вот этот белый материал, основу облака, смешать его с грудным молоком и поставить в тёплое место. Из этой рассады начнёт расти новое облако. Если за ним ухаживать, поливать и подкармливать навозом, то лет через пятнадцать – двадцать вырастет облако, на котором может поместиться небольшое селение. И такое облако будет слушаться только того, в ком есть кровь матери, из молока которой оно выросло.

– И как ты ему приказы передаёшь?

– Просто думаю.

– То есть для тех, кто тебя захватит, ты – ценный приз стоимость в огромное обжитое облако?

– Три облака, – Айсфинг понурила голову, а затем кинула на меня быстрый взгляд исподлобья:

– Хочешь меня продать?

– Нет. Идея стать первым рыцарем у госпожи трёх огромных облаков мне нравится гораздо больше.

– Ты не сможешь стать первым рыцарем. У тебя нет нужной выучки. Но первым помощником сможешь.

– Я согласен. Мне без разницы, как у вас главный называется. А крысы сколько живут?

– На чужом облаке очень недолго. Здесь вся еда для них – яд. А так лет пятнадцать.

– Чудовищные создания.

– Наоборот, очень ласковые и полезные животные. Если они не будут в низу облака ходы рыть и плотные куски выгрызать, то облако быстро отяжелеет и летать не сможет. Просто боевых крыс с детства по расписанию бьют и кормят мясом. Ты бы вырос ласковым, если бы тебя по расписанию били и живот всегда болел?

Я задумался, как ответить:

– Живот от голода у меня болит почти всегда, А бьют меня не по расписанию, но по несколько раз в день – кода соседи, когда в школе. От мамы тоже иногда попадает...

– Похоже, твой мир не особенно отличается от моего.

– Но я всё равно хотел бы жить мирно и быть ласковым с теми, с кем можно.

Айсфинг немного помолчала.

– Я тоже.

За разговорами время до вечера пролетело неожиданно быстро. Едва Светило опустилось за горизонт, Айсфинг вытащила и зажгла факел. В замке загорелся ответный огонек.

– Ну вот, теперь дядька знает, что мы дошли до края, – повеселела княжна и полезла вниз.

Спускаться было действительно несложно. Айсфинг непрерывно ругалась из-за того, что я сыпал на неё камешки, но в целом спустились мы благополучно. С облака на скалы «нашей» горы мы тоже перепрыгнули относительно успешно (если только это можно назвать «прыганием», с нашими тяжеленными рюкзаками правильнее было бы назвать это «шмяканием»). А вот потом начались сложности.

Мы спускались не с той стороны горы, с которой пришёл я, и путь здесь был мне совершенно неизвестен. Несколько раз мы упирались в края обрывистых скал и вынуждены были возвращаться, несколько раз нас прижимало облаком к горе настолько плотно, что мы не могли двинуться. Не обошлось и без соскальзываний по крутым ложбинам, заросшим колючками.

Было очень темно, видимости из-за плавающих в воздухе кусочков облака не было никакой. Но все это было не так страшно по сравнению с тем, что ждало нас впереди.

Всю дорогу я молился, чтобы Тени ушли в деревню, как в ту ночь, когда я пришёл на облако. Я надеялся, что Теней не будет. Но когда мы, уставшие и исцарапанные, вывалились из пояса облачной крошки на крутой травянистый склон, они там были. Ровная цепочка Теней перегораживала склон по всей ширине. И, как назло, ни одного высокого камня рядом не наблюдалось. Должно быть, мы во время многочисленных падений так шумели, что собрали сюда всех окрестных Теней. Не успел я осмотреться, как бесплотные пришли в движение и ринулись к нам. Я испугался настолько, что даже не мог двинуться с места.

– Вернёмся в облако или примем бой? – спросила княжна.

– Я идти не могу...

Айсфинг протянула руку в сторону ближайшей Тени и что-то прошептала. Из перстня у неё на пальце вырвался едва заметный луч света и перерубил Тень пополам. Княжна перевела руку на другую Тень, ещё дна вспышка и ещё одно исчезнувшее чудовище. Но Теней было слишком много, и приближались они слишком быстро. Айсфинг сунула левую руку в карман и достала несколько камней. Не переставая срубать врага лучом света из перстня, Айсфинг кинула камни в разные стороны и прокричала нечто такое, от чего даже мне стало жутко.

Между камнями проскочила молния, которая затронула каждую из Теней. На этот раз Тени не просто развалились на части – молния порвала их на кусочки, которые сразу растаяли в воздухе.

Княжна **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** умела уничтожать Тени.

– Ч...ч...что что этт этто было? – едва смог выдавить я.

– Это было Слово малой силы, – мрачно ответила Айсфинг, – надо камни найти. Тут ещё могут быть Тени.

Идея искать ночью маленькие камешки в высокой траве мне совсем не понравилась. Я принялся уговаривать Айсфинг пересидеть ночь на скале повыше, а камни найти утром. Айсфинг неохотно, но дала себя уговорить. Мы подкатили пару валунов туда, где предположительно должны были лежать смертоносные драгоценности, и зашагали к скалам вниз. Подходящая скала нашлась очень быстро – отколовшийся от материнской горы кусок гордо возвышался посреди спуска. На наше счастье, на нём было много удобных зацепов, и мы быстро добрались до площадки на верхушке.

Сидеть на скале было совсем не так удобно, как на облаке, было жёстко и холодно. Мы с Айсфинг кое-как скрючились, привалившись друг к другу спинами, и принялись жевать остатки провизии. Примерно через полчаса мы забыли обо всех своих неудобствах, так как пришла новая группа Теней. Вела ее огромная Тень, этот великан был ростом почти в половину нашей скалы. Будь у Теней руки, он смог бы дотянуться до нас. К счастью, рук у них не было, хотя какая-то похожесть на людей наблюдалась: вверху выдавалась голова, а когда они шли, то тела у них переливались оттенками тёмного, как у людей в черных плащах, когда ноги шевелятся.

– От них всегда веет такой жутью? – спросила Айсфинг через некоторое время, – Я много раз наблюдала с облака, как Тени нападали на людей, но не представляла, что рядом с ними так страшно. Как будто жуть окружает и пропитывает страхом всё вокруг.

– Да. Всегда так страшно.

Айсфинг покрутила кольцо на пальце, но уничтожить Тень не стала.

Я почувствовал, что дрожу всем телом от страха. Девчонка сидела и с интересом наблюдала за передвижениями Теней.

– Как ты можешь быть спокойной?

– Я черпаю свои силы в смерти.

– Чего?

– Я черпаю свои силы в смерти. Я представляю, что в следующую секунду умру с честью, так, как надо. Это как будто ты уже умер. Тогда не страшно, можно спокойно обдумывать следующее действие, пока ещё жив несколько минут.

Я посмотрел на свою новую знакомую. Её идеальный профиль красиво вырисовывался на фоне облаков. Странная девочка. Не будет ли она ещё большим бедствием для моего народа, чем Тени?

Утром я проснулся от боли во всем теле. Что было неудивительным: Айсфинг приспособила меня частично вместо матраса, частично вместо подушки, и спала, уютно свернувшись калачиком под своим тяжелым дорожным плащом. Боюсь, разбудил я её не очень любезно.

Светило ещё не взошло, но видно было неплохо. Мы планировали проникнуть в деревню до того, как народ начнет открывать двери – лишнее любопытство нам было ни к чему.

Вчерашние камни – молнии искать пришлось довольно долго, но мы справились. После этого дорога домой была совсем легкой.

Глава 3. Новая жизнь

Дом встретил меня своим обычным видом – он был таким, как и всегда, как будто и не было этих трех дней приключений. Я постучал в дверь.

– А где сам дом? Под землёй? – удивилась Айсфинг.

Я увидел свой дом её глазами – наполовину вросший в землю сруб с ещё более низкой пристройкой, крыша над большим срубом провалена...

– Это и есть дом. Я же тебе рассказывал.

– А! Точно! Очень хорошо! Здесь меня никто не узнает.

В своём алом плаще она сияла посреди деревни ничуть не хуже тех ярко – красных камней – молний, что мы искали поутру. Я подумал, что спрятать её будет непросто. В этот момент мама открыла дверь.

Мама посмотрела на меня, на Айсфинг, перевела взгляд на Светило, а с него – на плащ Айсфинг. Ее мысли было легко проследить – никто никогда не возвращался после ночи вне жилья. Тем более в такой красивой одежде. Она подумала, что к ней явились призраки. Мама закрыла дверь.

– Мама, я живой, я вернулся!

Мама опять открыла дверь, посмотрела на Светило. Привычный вид Светила в небе успокоил ее, и тогда я повторил:

– Мама, я живой, я вернулся! И сестричку привёл!

После этих слов мама обняла меня крепко – крепко и начала плакать.

Я махнул рукой княжне – заходи, прячь рюкзаки и плащ. Та ничего не поняла, так и стояла, глупо улыбаясь.

В нашем селении уши имеют не только стены, но и дороги. В условиях скучной и однообразной жизни любая новость облетает поселение за несколько минут. Когда мы шли, двери домов были ещё закрыты, их открывают только после полного восхода Светила. Но все слышали наши шаги, наши разговоры о том, что скоро будем дома, и сейчас здесь будут все, у кого есть хоть капля любопытства. Но каплей любопытства обладают лишь очень немногие из наших соседей. У остальных оно измеряется ведрами и бочками. Айсфинг станет предметом для пересудов не на одну неделю.

– Мама, я тоже очень рад тебя видеть. Но нам срочно надо кое-что спрятать...

Мама только ещё крепче обняла меня в ответ, не двигаясь с места, зато мои слова дошли до княжны. Она юркнула в дверь, немного посмотрела на кое-как заделанную дыру в потолке и сунулась в пристройку. Из пристройки она тут же вылетела и нерешительно замерла у входа.

Мама наконец-то перестала меня обнимать, мы вошли в дом, и дело дошло до неизбежного вопроса: «А это ещё кто?». Я изложил легенду, которую мы репетировали вчера весь день, пока ждали вечера: «Линара – единственная дочь богатого купца, их караван сначала пострадал от разбойников, а потом погиб от Теней, с другой стороны от горы. Выжила только она одна, так как сидела в отдельном шатре, благодаря её шатру выжил и я. Мы принесли последние драгоценности её отца, и их надо бы побыстрее спрятать, пока не увидели соседи».

На этот раз мама сразу поняла, что надо делать, подхватила рюкзаки и понесла в пристройку. Уже из-за дверей донеслись её вздохи:

– Ох, какие тяжелые! Еле подняла! И как вы только их донесли!

– А почему ты вышла из пристройки? – спросил я Айсфинг, простите, теперь Линару.

– Там пахнет! Навозом!

– А чем там ещё должно пахнуть? Там же животные жили. Землю с пола мы вынесли, земля там новая, чистая, но стены-то запах впитали.

– А пол из досок тяжело настелить?

– Дошчатые полы только в замке у князя. Дорого. Деревья срубить – леснику заплати. На доски распилить – месяц работы хорошему мужику. А нам есть нечего.

На лице у княжны отразилось недоумение.

– Ты бы сняла свой яркий плащ. А то сразу видно, что ты дорогая штучка.

Айсфинг – Линара послушна начала снимать плащ, и сняла его как раз к тому моменту, когда в дверь заглянула первая из соседок, тетя Зигла, он жила через дом от нашего. Я в этот момент немного отвлёкся, и повернулся только после того, как услышал удивленное: «Ах!» соседки. Удивляться было чему: вся походная курточка княжны была расшита золотыми узорами с драгоценными камнями – вставками. Это был мой недосмотр: в походе княжна не расстегивала свой красивый плащ, а я не додумался проверить, что у неё под ним. Одна курточка стоила больше, чем замок нашего помещика.

Линара – дочь погибшего купца, – спасла нас мама, вернувшаяся в этот момент из пристройки. Тетя Зигла приложила руку к сердцу и отошла в сторону, но за ней уже толпились другие соседи.

– Княжна, как есть светлейшая княжна, – донесся с улицы взволнованный голос тети Зиглы, – Как глянула на неё, аж глазам больно стало.

Маме пришлось вывести нас на улицу и повторить легенду: дети чудом спаслись от ночной нечисти, Линара – сиротка, дочь купца, единственная выжившая из каравана. Повторять легенду пришлось несколько раз, так как всё время прибывали новые любопытные. Наконец кто-то донёс помещику о событии. По улице простучали конские копыта. Наш господин, в сопровождении трёх стражников.

Первым делом помещик спросил:

– Вы демоны нечисти или нет?

– Нет, мы добрые честные люди, подданные вашей светлости, – поклонился я.

– Скажи молитву и поклонись богу воздаяния.

Я послушно пробубнил молитву и поклонился.

– Сколько вы спали сегодня?

– Часа четыре.

– Тогда все расходитесь. Дети пусть спят, вечером объявляю пир, выставяю две бочки вина, – решил помещик, – Как тебя зовут, малышка?

– Ы-ы-ы, – испуганно пробурчала Айсфинг. Мы с ней заранее договорились о том, что ей первое время лучше изображать дурочку, чтобы не выдать себя.

– Простите её, она от страха и долгого одиночества сама не своя, – торопливо залепетал я.

– Да-да, детям надо спать больше, – подхватили односельчане. Потом кто-то додумался крикнуть: «Ура!» помещику, после чего все разошлись.

Вечер у нас по причине Теней начинается задолго до темноты. Не успели мы вздремнуть как следует, как пора уже было идти на праздник.

Нас поставили на телегу посреди поля, уставленного столами. Праздновать наши односельчане любят, и к угощению помещика все нанесли своей снеди. Начали ещё до того, как мы проснулись, к нашему приходу кое-где уже забыли о причине праздника и пытались петь. Воинам помещика пришлось потратить некоторые усилия на то, чтобы установить тишину.

Мы взобрались на телегу и начали врать. Представление вышло первосортнейшим: я врал, Айсфинг в нужных местах подвывала и всплакивала. Некоторые места – про Теней, про то, как я нашёл Айсфинг в шатре, про то, как мы ночью спасались от Теней на камне, – просили пересказать по несколько раз.

– Некоторые места не сходятся, – сказал помещик в конце. Мое сердце упало в пятки.

– Как ты оказался с другой троны от горы? Ты же говоришь, что всю ночь на камне просидел?

– Заблудился. Я почти до вершины дошёл, а оттуда перепутал направления.

– В утреннем свете не увидел родного села? Ладно, поверим. А как вы утром за несколько часов дошли от места гибели каравана до дома, если ты туда намного дальше шел?

– Так мы два дня шли... вечер вчера, а ночь потом на камне сидели. Я же рассказывал.

– Я должен буду проверить это место гибели каравана, – решил помещик, после чего встал из-за стола и взобрался на телегу. Он произнес небольшую речь, в которой призвал всех быть добрее и заботливее друг к другу. Потом он взял с меня клятву, что я не буду мстить ни родне того парня, который травил меня собакой, ни его товарищам. (Главного виновника моих приключений казнили ещё в первый день, после следствия по горячим следам, его привязали к столбам на ночь).

Я обещал им прощение с легким сердцем. После этого все ещё раз прокричали здравицы. Нам – за то, что мы выжили ночью и дали надежду другим. Князю – за праздник. Потом все разошлись спать.

Всю дорогу до дома меня трясло от страха. Айсфинг держалась роли и помалкивала, только дома спросила:

– Что не так?

– Помещик хочет осмотреть место гибели твоего каравана.

Это ее почему-то развеселило:

– Толстый свинёнок хочет пограбить остатки? Пусть попробует...

– Ты что, не понимаешь? Он же и нас проводниками потащит!

– Не беспокойся об этом. Съездим.

Её уверенность показалась мне легкомыслием.

– Как тебе наше село? Очень страшно?

– Нет, очень мило. Мне так понравилось! И коровки, и козочки, можно погладить. И кровать из пахучей соломы, а не из этого противного шелка, у которого никакого запаха. И праздник очень весёлый, ваши люди так забавно поют хором.

– Тебе понравилось? Удивила... У вас же своей скотины было сколько хочешь, гладь не хочу?

– Было... Только между животными и мной всегда два ряда охраны стояло.

Я посмотрел на веселящуюся Айсфинг новыми глазами. Но долго удивляться было некогда, пришло время рассказа в подробностях, который я обещал маме.

Мама правдивому рассказу поверила не сразу. А потом несколько раз потрясённо прошептала:

– Айсфинг, княгиня облака...

Поутру нас навестил посыльный от помещика и предупредил, что поход намечен на завтра, с восходом Светила нам полагалось быть в замке. Потом нас отругала мама – какие же мы глупые, набрали столько золота и бесполезных камней, а серебра не взяли. Золото в селекции не используется, придётся в город ехать, на обычные деньги менять, а сейчас даже еды не купить. Мы с Айсфинг смеялись в голос. Потом так же весело ели овсянку с морковкой. Айсфинг вызвалась почистить и потереть морковку. Эта нехитрая операция почему-то очень её позабавила.

– Мне никогда ничего не позволяли самой делать руками, – пояснила княжна.

Мама ахнула:

– Как же ты в нашем мире жить будешь?

Княжна ткнула в меня пальцем:

– Он за меня всё делать будет. Я его наняла. Но только первое время. А потом я сама научусь. Вы и научите, – сказала Айсфинг и посмотрела на маму прямым взглядом взрослого человека. Мама вынуждена была первой отвести взгляд:

– Твоими устами только мёд пить...

– Не люблю меда. Они слишком сладкие и от них голова потом плывёт.

Мама хотела что-то сказать, но не смогла – меда у нас пила только семья помещика.

Весь день я показывал Айсфинг деревню. Мы дошли даже до Дальних Огородов. На ужин соседи принесли множество вкусных угощений – не столько из сочувствия, сколько для того, чтобы ещё раз посмотреть на княжну. Смотреть было уже особо не на что – в простом платье и плетёных сандалиях из древесной коры княжна почти ничем не отличалась от наших девчонок. Разве что осанкой.

Айсфинг приняла роль Линары и устроила неплохой спектакль – раскланивалась так важно и грациозно, что привела всех в восторг.

К вечеру у княжны был готов стратегический план:

– Мы будем обрабатывать Дальние Огороды. Будем выращивать трудоёмкие продукты, которые дорого стоят. Какие продукты у вас дорого стоят?

– Продукты у нас ничего не стоят. Это то, что есть у всех. Их обычно на что-то меняют или берут в долг, до осени, – остудила мама размахивавшуюся Айсфинг.

– Как ничего не стоят? – удивилась та, – Ну, а купить их за деньги хотя бы можно?

– Не слышала про такое, но, наверное, можно.

– Вы их что, даже в город не продаёте?

– А кому они там нужны, там у каждого свой огород тоже есть? Помещик возит продукты в город, но не на продажу, а дань князю.

– А если лишние остаются, вы что с ними делаете?

– Что можем, храним. Остальное скотине скормливаем или выбрасываем.

– Дикие люди!

– Ты лучше скажи мне, милочка, как ты поле на Дальних Огородах обрабатывать будешь, до них только идти больше двух часов? Запоздаешь так в облачный день, тебя Тени и перехватят?

– Очень просто. На лошади буду ездить, в повозке, это вдвое быстрее и не устаёшь.

Тут уже удивился я:

– Это где же ты такие повозки видела? Обычные повозки не быстрее человека двигаются.

– Да. Ваши тяжелые четырехколесные телеги лошади тяжело волочить. Нужна лёгкая, двухколесная, чтобы только колеса и сиденье между ними.

– Ни разу такую не видела, – призналась мама, – но ты знаешь, чего стоит лошадь кормить? Минимум треть твоего веса в день одного зерна.

– Это значит, десять мер зерна в день, три тысячи шестьсот пятьдесят в год. Это примерно два гектара. Это не так уж и много. А потом, если лошадь будет слишком дорога, будем ездить на ослах. Или собаках. Или козах. Но бедствовать и проедать золото не будем.

– А пахать кто будет? Ты хотя бы приблизительно знаешь, сколько надо сил, чтобы плуг поднять? Или гектар лопатой вскопать, о великая наездница на козлах? – мама уже смеялась.

– Он! В следующем году его веса уже хватит. И пахать будет не плугом, а сохой, она легче. Вам же помещику дань не платить? Нет? А на прокорм нам надо не так уж и много, что он не вспашет, то мы мотыгами поднимем. Так что продаём камни и золото, покупаем зерно для лошади, а ближе к весне купим и лошадь.

– Ну ты сильна выдумывать, – под таким напором маме оставалось только сдаться.

Ещё нас с мамой изумило то, насколько легко княжна перемножила в уме большие цифры. Нас, конечно, тоже учили считать, но чтобы так легко тысячами вертеть... Но на этом княжна не остановилась:

– А ещё мы построим дом, рядом с полем, на Дальних Огородах. Чтобы не ездить так часто. Совсем небольшой, зато каменный и высокий. Башню.

Мама закачала головой:

– А вот этого мы точно делать не будем. У нас были люди, которые пытались жить в брошенных деревнях, или дома строить рядом с Дальними Полями. Потом мы даже их тел не

смогли найти. Никто не знает, почему они исчезли – то ли набег соседей, то ли чудовища какие съели. Здесь, если соседние помещики набегут, всё село вместе обороняется. А там тебя кто защищать будет?

– Откройте глаза! – Айсфинг начала злиться, – Подумайте, кто убил ваш клан? Вы свою дыру в крыше видели? А дверь выбитую? Следы на дверном проеме, разбитые стропила на крыше, следы на стенах? Вы столько лет на них смотрели, а ничего не увидели! Это какое-то ночное существо, обладающее огромной силой, длинными когтями, способное запрыгивать на невысокие преграды, и оно не боится Теней. Ваши дома в деревне вас не спасут. Это не Тени, те даже травинки не нагибают. Поэтому нужен каменный дом, в два этажа, с отвесными стенами, с крышей из брёвен, и чтобы лестницу на второй этаж можно было поднять, и люк вниз закрыть. В таком доме можно даже лампу ночью не жечь.

Одна мысль о том, чтобы оказаться ночью без света, напугала маму настолько, что следующие несколько фраз она поминала богиню изобилия. Потом сказала:

– Ну, это ты у нас знаток ночной жизни. А мы про Теней до вашего прихода знали только одно – останешься ночью вне дома, будешь мёртвым. А насчет каменного дома... Слишком дорого это всё.

– Стоимости моих камней хватит, – заверила ее Айсфинг.

* * *

Полутру мы застали во дворе замка полностью готовую к выезду группу во главе с нашим господином. Ждали только нас.

– Вы где там спите? Столько взрослых должны вас, замарашек, ждать? – напустился на нас Беоарн, занимавший должность главного воина.

– Мы сразу вышли, как Светило взошло, – занял я.

– Садитесь быстро на лошадей. Мальчишка – передо мной, девка – перед Улией! – рявкнул Беоарн. (Улией звали тётеньку, которую за отличное владение луком взяли в постоянный состав воинов помещика).

– Не пойдёт. Я поеду одна, на нём, – спокойно сказала Айсфинг, показывая на жеребца по кличке Цветик.

Удивились все, в том числе и жеребец. Он даже поднял голову от яслей и перестал жевать овёс. Цветик славился препакопнейшим нравом, к нему боялись подходить все, даже на выпасе, даже к привязанному. Если он не мог лягнуть вас передними копытами, то подгадывал расстояние так, чтобы достать задними. Седлали его только во время набегов соседей, а воевать на него сажали кого-нибудь из тех, кого надо было наказать. После того, как Цветику надоедало кусать и лягать врагов, он скидывал седока и начинал забавляться с ним. Злобность этой зверюги давно вошла в легенды не только нашей деревни, но и всех соседних.

– Ух ты, оно умеет говорить? – восхитился помещик, – Ну, пусть попробует. Такая потеха стоит задержки.

– Господин, она немного без ума, простите её, – занял я, пытаюсь остановить княжну. Бесполезно. Сильные руки подняли меня в седло и зажали рот. Айсфинг направилась к коню. По пути она успела покрутить кольцо на пальце и улыбнуться мне. Я немного успокоился – похоже, она знала, что делала.

Княжна подошла к Цветику, что-то пошептала ему на ушко и погладила по холке. Цветик был сама ласковость. Помещик подал знак, принесли сбрую и седло. Айсфинг вскочила в седло и под общие вопли восторга сделала круг по двору. Сидела она при этом не по-мужски, а боком.

– Ну, теперь можем ехать? – спросил помещик с иронией.

– Нет, шатров мало взяли.

– Каких шатров? – чуть не взвыл помещик.

– Ночь ночевать. Мы туда и обратно не успеем.

– Вы пешком за несколько часов дошли, а мы на лошадях не успеем?

– Мы по горным тропинкам шли, вы там не проедете. А вокруг горы в разы дольше.

– Успеем. А если не успеем, в руднике заночуем, – решил помещик, – а теперь можно выезжать?

– Нет, еды и воды мало взяли. И мешки нужны побольше, товары паковать.

Наш господин открыл было рот, чтобы разораться, но посмотрел на тощие вещмешки команды, вспомнил собственные слова про рудник и сдулся. Ещё несколько минут мы ждали, пока принесут копченое мясо и тыквенные бутылки.

– Ну, а теперь-то мы можем ехать, ваше величество?

Айсфинг пожала плечами, и отряд тронулся. Я десять раз порадовался тому, что еду со взрослым, а не сам по себе. Я, конечно, ездил на лошадях, когда кто-нибудь из детей побогаче брал меня вторым, но мы ездили без седла и медленно. Как правило, на купание. На такой скорости, которую взял отряд, я бы вылетел из седла молниеносно. Княжна же лишь слегка покачивалась, когда ее жеребец стлался над неровностями. Ещё и улыбалась на ходу.

Вскоре отряд снизил скорость. Айсфинг с трудом удерживала жеребца, и получилось так, что она оказалась впереди всех. Мой страх упасть с лошади стал уменьшаться, и вскоре он стал намного меньше страха ничего не найти на том месте, в которое нас так уверенно вела княжна.

Ехали мы долго, иногда Айсфинг для вида приближалась и советовалась со мной, как проехать дальше. Это было абсолютной показухой: в этих местах никто из нас не был. Иногда выручали солдаты помещика, некоторые из них бывали с этой стороны горы и знали хоть какие-то дороги.

Как это ни странно, но лагерь погибшего купеческого каравана мы нашли.

Айсфинг устроила рёв – кто-то украл её любимые вещи из шатра! Даже слёзы капали. И как ей это удалось? Воины потрясали оружием и клятвенно обещали отобрать всё обратно, но сами больше интересовались поисками остатков.

Шатры купеческого каравана были во многих местах порублены мечами и пробиты копьями. В шатрах лежали тела – не такие, какие остаются после Теней, а просто убитые люди. Очевидно, на караван рано утром напали грабители. Оставшиеся в живых пытались пережить следующую ночь в последнем шатре, но у них то ли погас свет, то ли случилось что-то ещё. В этом шатре часть тел была разорвана, а остальные носили следы работы Теней. На стенах шатра и на телах я увидел хорошо знакомые мне по собственному дому следы когтей – такие, на которые показывала Айсфинг.

Внутри этого шатра мы с Айсфинг обнаружили помещика. Он задумчиво оглядывал картину побоища, игнорируя поиски оставшихся товаров. Увидев княжну, он сказал:

– А вот теперь всё сходится. Тебе очень повезло, малышка. А вот напасть на караван мог только барон Иренг. Это чересчур даже для него. Придётся написать князю...

Бросив эту загадочную фразу, помещик ушёл руководить мародёрством, а мы с Айсфинг слегка поизучали карманы мертвецов. Добыча была очень хороша – очевидно, дядьки перед своей последней ночью занимались тем же самым. Впрочем, долго радоваться нам не дали – всю добычу помещик потребовал сложить в общую кучу «для справедливого дележа».

Трофеев было очень много. Те, кто грабили караван в первый раз, торопились и унесли только то, что было легко унести. Тюки шелка и великолепных шерстяных тканей лежали нетронутыми, драгоценные расписные сосуды стояли в транспортной упаковке. Некоторые повозки везли крупные серебряные фигурки, среди них встречались даже золотые.

Дележ оказался действительно справедливым. Забрав половину господской доли, всё остальное помещик разделил между участниками вылазки. Даже нам кое-что досталось.

За хлопотами время пролетело быстро. Пока посчитали добычу и прикрутили к лошадям тюки наиболее дорогих тканей, начало темнеть. Айсфинг была права – мы бы не успели

вернуться даже в том случае, если бы лагерь находился на окраине села. Азарт охоты захватил всех – таких дорогих и красивых товаров многие из нас не видели никогда в жизни.

– Ускорьтесь, нам ещё до рудника надо успеть и дров нарубить, – тревожно подгонял помещик воинов, которые перебирали новые игрушки и продолжали посматривать в сторону шатров.

Когда мы подъехали ко входу в рудник, Светило уже зашло. Вход в рудник выглядел, как простое отверстие в скале. Дорога к нему заросла, после известных событий копать новое железо не требовалось, оставалось много старого, от погибших людей. Выглядел вход в рудник, честно говоря, жутковато, но помещик непрерывно подгонял нас, да и выбора не было. Мы начали забираться внутрь, заводить лошадей и складывать грузы.

Воины наскоро срубили несколько деревьев, затащили их в пещеру и начали сооружать завал из камней и брёвен на входе.

Айсфинг опять удивила, когда уселась от костра ближе ко входу, а не со стороны пещеры, как все остальные. Воины поначалу посмеивались над ней, называя дурочкой и кормом для теней. Это продолжалось до тех пор, пока Айсфинг не обвела критическим взглядом запасы дров и не заявила:

– Для двух костров маловато на ночь.

Ответом ей был общий смех:

– Зачем нам два костра, глупышка?

– А где, по-вашему, прячутся все Тени днем? Самые маленькие – под камнями. А самые большие...

Воины дружно посмотрели в зияющую темноту прохода. Помещик начал выкрикивать имена тех, кто пойдёт за дровами.

– Раньше не могла сказать, – недовольно заворчали те воины, что строили стену на входе. Теперь им приходилось ее разбирать...

Я набрался смелости и спросил у помещика:

– А против кого они стену строят?

Судя по тому, что многие воины посмотрели на нашего господина, они тоже не знали ответа.

– Бывают такие существа, которые не боятся ни света, ни Теней, – уклончиво ответил помещик.

Общими стараниями вскоре горело два костра, а в котелке побулькивала похлебка. После ужина все повеселели, воины достали свои приобретения и начали ими хвалиться. Долго веселье не продлилось. Почти одновременно со стороны входа и со стороны пещеры появились Тени.

Айсфинг опять оказалась права – те Тени, что появились со стороны пещеры, были намного крупнее. Удар ужаса, который они с собою принесли, оказался сверхмощным. Люди рухнули на пол. Я впервые в жизни видел, как взрослые пищат и пытаются залезть друг под друга. Остались сидеть только помещик и Беоарн. Но помещик закрыл глаза и бормотал молитвы, а Беоарн раскачился взад – вперед, зажав уши руками. Мы с княжной пережили удар намного легче – должно быть, привыкли за то время, пока сидели на скале. Лошади первые секунды бесновались на привязи, а затем сбились в плотную группу и замолкли.

Айсфинг воровато оглянулась и, убедившись, что её никто не видит, протянула руку в сторону Теней. Заклинание было не менее страшным, чем в прошлый раз, но... ничего не произошло.

Княжна недоуменно повертела колечко и ещё раз протянула руку к Теням. Магия не действовала!

В этот момент помещик открыл глаза. У меня в голове пронеслись вихрем мысли – о том, что нельзя позволить помещику видеть, как малышка колдует. О том, что Тени боятся света...

В следующий миг я схватил самую большую палку из костра и швырнул ее в Теней. Тени не погибли, но пролет горячей палки сквозь тела им совсем не понравился. Нас захлестнул вал ненависти и злобы. Ага, значит и у них есть чувства, и им бывает больно!

Воины испугались ещё сильнее, начали подёргиваться. Но было и одно положительное следствие: Тени отодвинулись подальше. Люди понемногу начали выходить из паники и сообщать. Почему-то всем пришла в голову идея, что надо подбросить в костер побольше дров. Следующие несколько минут Айсфинг была очень занята, с криком: «А ну не трогать, нам ещё ночь сидеть!» она лупила взрослых по рукам и отбирала дрова. Досталось и мне, руки как-то сами норовили подобрать с пола хоть веточку, хоть палочку, и бросить в костер.

Вскоре установилось видимое спокойствие. Кое-кто даже достал еду. Айсфинг плюхнулась рядом со мной и обреченно зашептала:

– Я погибла! Я завтра не смогу на жеребца сесть, он меня сбросит! Я его обработала внушением, но для устойчивости его надо утром повторить... а моя магия больше не действует!

– Как думаешь, почему?

– Наверное, у вас тут внизу другая магия.

– А может, это только в пещере она не действует? Выйдешь завтра на воздух, и всё заработает, – сам я в это не очень верил, но так хотелось дать расстроенной княжне хоть какую-то надежду.

Айсфинг не купилась:

– Маловероятно. Слушай, а что здесь добывали?

– Железо.

– А вот это могло стать причиной. Но тогда камень силы в моём кольце испорчен навсегда, – княжна замолкла и погрузилась в печаль.

До утра мы просидели в осаде Теней. Никто не погиб. К моему большому удивлению, несколько раз мне даже удалось задремать. Поутру никто не заикнулся о завтраке, всем хотелось поскорее покинуть пещеру, в которой мы пережили столько неприятных моментов. Сухари и копченое мясо жевали на ходу.

Цветик принял княжну на удивление послушно. Похоже, он тоже изрядно перепугался ночью и был рад любому, кто выведет его отсюда.

На подъезде к замку помещик расчувствовался и предложил Айсфинг пасти княжеских гусей. Это было очень щедрое предложение, внимания эта работа почти не требовала, зато за неё платили. Айсфинг этого не знала и смогла ответить только удивленным взглядом, а я был слишком далеко, чтобы посоветовать. Похоже, княжна понравилась господину.

Не успели мы въехать в замок, как помещик и все воины залезли в бутылку. Они даже не стали расседлывать коней и разбирать трофеи, бросили всё на попечение конюхов и ушли в пиршественный зал, расслабляться. Когда главный конюх сунулся спросить о поклаже, его просто выгнали. Пришлось нам с Айсфинг врать за двадцатерых. Поначалу конюхи и любопытные солдаты из дежурной стражи (на самом деле – обычные мужики из села, назначенные в охрану) нам не верили. Но когда из упаковки появились рулоны тканей и другие ценности, удивление переросло в восхищение.

Рассказывать приходилось в основном мне, Айсфинг верхом на Цветике нарезала круги по двору. Похоже, быстрая скачка от рудника до деревни жеребца совсем не утомила, и ему хотелось поразмяться ещё.

Милые сиделки прервал крик дозорного:

– Набег!

Очевидно, соседи как-то узнали, что господина нет дома, и решили воспользоваться случаем.

Вся наша компания бестолково полезла на стены, а затем так же бестолково посыпалась вниз, закрывать ворота. Айсфинг верхом на жеребце ухитрилась выскочить из ворот прямо перед их закрытием.

На нас напали западные соседи. Их было хорошо видно со стен замка, но не видно из села. Княжна, по-видимому, решила предупредить селян. Ее тоненький голосок: «Набег! Набег!» всё ещё был слышен, когда я взобрался на стену. Я даже не успел крикнуть ей: «Стой, дура!» – людям она не поможет, а за потерю боевого коня помещик с неё три шкуры спустит. Отберут у неё враги легендарного жеребца, как есть отберут!

Группа всадников противника выскочила из лесочка, убедилась, что ворота закрыты, и проскакала в деревню. Некоторое время ничего не происходило. Пешие войска врагов приближались, всадники скрылись в селе.

На наших стенах царило уныние – все лучшие бойцы были в отключке, а остальной гарнизон владел плугом и вилами намного лучше, чем мечом или луком. Специально посланный гонец подтвердил: помещик и все ведущие бойцы пьяны в лежку.

Строй пехоты приближался, и с каждым их шагом становилось все более ясно, что на этот раз соседи нацелились не на горшки и не на свиней, а на взятие замка.

Из-за крайних домов вынеслась Айсфинг на Цветике. Её преследовало трое верховых. Цветик забавлялся по полной: он то позволял преследователям приблизиться, то увеличивал расстояние. При его размерах и кошачьем весе Айсфинг скакать ему было намного легче, чем кобылам преследователей с мужиками в доспехах. Княжна правила к замку.

– У нас лучники есть? – завопил я.

– Улька пьяна со всеми, – ответил один из дежурных воинов, дядька Фернори. Он жил за три дома от нашего, я его неплохо знал.

– Ну, хоть кто-нибудь, отпугнуть чужих!

Большого энтузиазма мои слова не вызвали, но несколько человек всё-таки отправилось в оружейную. Тем временем Айсфинг доскакала до замка.

– Открывайте ворота! – выкрикнула княжна и поскакала вокруг замка. Преследователи поскакали за ней.

– С ума сошла! Эти конные, в доспехах, они если ворвутся, они всех нас во дворе порубают, – зашептались воины.

Я впал в отчаяние.

– А если повозки двумя рядами выстроить? Они даже если успеют до закрытия врат, вы их копытами из-за повозок переколете! – принялся умолять я.

Воины принялись усиленно чесать затылки. Схватываться пешими с тяжеловооруженными всадниками им явно не хотелось. Тем временем Айсфинг сделала круг и пошла на второй. Несколько стрел, пущенных со стен, заставили её преследователей скакать по большему радиусу.

Змея походной колонны приблизилась настолько, что стали видны тяжелые тараны, которые нападающие везли с собою.

– Смотрите! Смотрите! У них тараны, на цепях! Наш частокол против них простоит несколько минут, и они войдут сразу в нескольких местах! А если мы откроем ворота, то они подумают, что ворота захвачены, и будут входить малыми группами. Если заранее сделаем внутри укрепление, сможем перебить их по очереди! – вопил я.

Стена нашего замка, по сути, не более, чем частокол из вертикальных бревен, по верхнему краю которого укреплен помост для лучников. Двойная стена с засыпкой землёй между рядами имеется только около ворот, и на совсем небольшом расстоянии. Так что мои слова были не очень далеки от правды, хотя я придумывал на ходу.

Как это ни странно, дядьки решили последовать моему плану. Все поспешили вниз, а мне в руки сунули лук – стреляй, в кого сможешь. Я положил стрелу и спустил тетиву. Стрела смогла перелететь через ров. За такую стрельбу я получил затрещину и был лишен лука.

Появилась Айсфинг. Воины закончили выстраивать телеги и открыли ворота. Княжна с ходу влетела во двор, проскакала между телегами и развернулась в конце строя. Её преследователи, как и ожидалось, успели влететь в ворота до закрытия.

До чего же отчаянные дядьки! На что они надеются? Что их защитят доспехи, и что они смогут захватить ворота для своих?

Первый всадник по инерции продолжил гнаться за княжной. При его приближении Цветик встал на дыбы и попытался стукнуть копытом в лицо (княжна не ожидала подобного маневра и покатила кубарем на землю). Воину удалось уклониться, но в следующий момент он получил копьем под ногу и выбыл из боя.

Второй всадник оказался сообразительнее. Он сразу понял, чем ему грозят ряды телег, и дал шпоры лошади. Зверюга под ним оказалась свертренированной, даже после долгой гонки она сумела перемахнуть через телегу. Приземлившись, они моментально развернулись, всадник достал огромный меч. Наши крестьяне сразу представили себе, как этот меч ложится на их шеи, и дружно улетучились – проползли под телегами на другую сторону. Единственным противником всадника на этом конце двора оказалась княжна. Отряхиваясь и почесываясь, она выбиралась из-под телеги, куда залетела после падения.

Приняв Айсфинг за малорослого воина, враг помчался на княжну, устрашающе размахивая мечом. Я ринулся во двор и по пути даже выхватил у кого-то копье, но это было не более, чем жест отчаяния: я никоим образом не успевал. Спускаясь по лестнице, краем сознания я отметил, что в стане врагов режут сигнальные рожки. Скоро у нас тут вражеских всадников будет, как мух.

Подскакав к княжне, всадник почему-то застыл. Я успел преодолеть половину двора, кое-кто из наших пахарей – воинов даже решились влезть на телеги, чтобы напасть на всадника, а Айсфинг с соперником так и стояли, как скульптуры.

В этот момент на сцене появилась новая фигура. Дверь во внутренние покои рванулась наружу и стукнула Айсфинг по спине. Княжна опять упала. Из двери появился Беоарн. Очевидно, знакомые звуки боя дошли до его тела, минуя разум. Главный наш боец был совершенно безоружным. Обведя двор взглядом характерно мутных пьяных глаз, он узрел нападающего на княжну всадника и издал плотоядный звук: «О!», после чего кинулся в атаку. Его противник, несмотря на то, что был при оружии и на коне, непроизвольно сдал назад. Наши засмеялись.

Всадник взял себя в руки и ринулся на врага. Но было поздно: набрав инерцию, Беоарн поднырнул под меч и толкнул лошадь. Лошадь упала, придавливая своего наездника. Беоарн отобрал у меня копье, недоуменно посмотрел на него, а затем рухнул и захрапел. Я побежал к Айсфинг, а старшие дядьки принялись обезоруживать противника.

Третий всадник, завязший у ворот в совершенно бесперспективном сражении с копейщиками, развернулся и помчался к себе в лагерь. Очевидно, докладывать, что князь и его команда на месте.

Я юркнул под телегу к Айсфинг. Та, несколько не смущенная двумя опасными падениями, торжествующе показывала мне небольшой белый камешек.

– Все нормально у вас тут с магией! Это пещера как-то испортила мой камень в кольце. Сейчас я на всех врагов замедление наложу, пусть только сунутся! Видел, как я рыцаря в статую превратила? – княжна была преисполнена оптимизма.

Вот проныра! Оказывается, она не только тревогу в селе поднимала, а успела откопать свою сумку и вытащить дееспособный камень силы.

– Ну ты даёшь! Только в пепел никого не превращай.

– Не командуй, сама не дура, – с этими словами княжна прошествовала на укрепления.

Рядом с Беоарном суеился совсем молоденький парнишка – стражник, лет семнадцати. Увидев меня, он отвесил затрещину:

– А ну доставай моё копьё!

Дядька Беоарн спал, обняв копьё, как любимую игрушку, и отдавать его совсем не соби-
рался. Я засмеялся, увернулся от второй затрешины и поспешил на стены. Парнишка, чуть на
плача, остался дергать копьё.

Пеший строй нападающих приближался, на ходу разворачиваясь в боевой порядок. До
чего же их много!

– Здесь не только воины западного соседа, похоже, сюда привели своих воинов и все его
родственники, – ответил мне дядька Феонори. Оказывается, я говорил вслух.

С четверть часа войска противника выстраивались, а их вожди совещались. Наши дядьки
в это время таскали разные материалы, чтобы укрепить строй телег. Потом противник все-
таки решил попробовать пойти напролом и ворваться в открытые ворота. Первыми пошли
тяжеловооруженные пехотинцы.

Мне вручили длинную палку с рогатиной на конце и велели отталкивать лестницы, если
вдруг противник решит их поставить. Княжне велели вообще исчезнуть. Она, естественно, не
послушалась, а переместилась ближе к воротам.

Стоило первым рядам пехоты войти в ворота, как Айсфинг начала вертеть в руках
камень. Воины не остановились, но сильно замедлились. Наши мужики ничего не поняли, что
не помешало им всыпать нападающим по всем правилам. Входящую пехоту глушили дуби-
нами, тыкали копьями и расстреливали из луков. Сильно замедленные противники ничего не
могли сделать нашим воинам, укрытым за наскоро собранной из досок и бревен изгородью.

Побоище продолжалось с полчаса. У ворот уже громоздилась горка оглушенных дуби-
нами тел, кое-где потекла кровь. Возможно, кого-то даже убили. В один момент мне показа-
лось, что глаза жадно смотревшей на битву Айсфинг полыхнули красным, это было как раз
тогда, когда впервые показалась кровь. Я присмотрелся – глаза были нормальными, как у обыч-
ных людей.

Вскоре вожди нападающих почувствовали неладное и отозвали пехоту.

Строй пехотинцев выстроился напротив стены. Большинство из них даже не успели при-
нять участие в битве, они стояли под воротами и ждали очереди войти, но так и не вошли.
Ещё через полчаса вожди опять послали свои войска на приступ, на этот раз их воины тащили
с собою лестницы и тараны.

На стене появился злой и покачивающийся помещик. Углядев кого-то в строю вражеских
начальников, он принялся ругаться и посылать проклятия «гнилому роду Иренгов и худшему
его представителю, барону Иренгу». Ему ответили насмешками.

Вскоре и мне нашлось дело. Нападающие начали ставить лестницы, я должен был их
отталкивать. Впрочем, оттолкнуть ни одну так и не получилось – взрослые воины, что ставили
их снизу, были намного сильнее и опытнее. На стену по трем лестницам потёк ручеек бойцов,
а между лестницами застучали тараны. Впрочем, многого противнику это не дало – взобрав-
шиеся воины двигались по известной мне причине очень медленно, и их легко сдерживали
наши бойцы.

Между делом помещик распорядился закрыть ворота. Вошедший в ворота отряд был
настолько заторможен, что даже не сообразил помешать этому. Вскоре всех противников, что
оказались во дворе замка, либо оглушили, либо разоружили.

В этот момент произошло небывалое. Из села начали выходить и строиться для боя наши
мужики. Такого не было никогда. Обычно все, кого набег застает в селе, прячутся в подземных
схронах, предоставляя помещику, его воинам и тем, кого взяли для охраны замка, в одино-
честве выяснять, кто будет властителем замка. Для простых пахарей личность помещика не
имеет особого значения, в любом случае им придётся отдавать одну и ту же часть урожая.

– Ты что кричала, когда скакала по селу? – улучив момент, спросил я у Айсфинг.

– «Набег, выходи строиться на битву!», а что ещё можно кричать в таком случае? – удивилась Айсфинг.

– И почему они тебя послушались?

Айсфинг пожала плечами.

Военачальники противника поняли, что рискуют остаться на улице на ночь. Перспективы взятия замка были туманными, а от села их отрезал новый отряд. Прозвучал сигнал к отходу. Вражеская пехота построилась и бодро зашагала на запад.

– Шагайте – шагайте, вам ещё четыре часа шагать, – злорадно крикнул им вдогонку дядька Фернори. Остальные воины заулюлюкали.

– Нечего расслабляться, они ещё могут вернуться внезапно. Или завтра повторить набег, – оборвал веселье помещик.

Нас с княжной выпустили через два часа, когда стало ясно, что противник не вернётся. Никто о роли Айсфинг в бою не догадался. Поскольку основные события происходили, пока помещик был в отключке, даже про гонку на Цветике все забыли. После боя все воины оживленно обсуждали собственные приключения, а потом, как водится, перепились. Поутру ни у кого не было сил задаваться вопросом, отчего это вдруг мужики села организованно вышли на битву. Не могу сказать, что мы из-за этого расстроились.

Мама была очень рада увидеть нас живыми, да ещё и с обильной добычей. В этот вечер мы впервые за долгое время ужинали с мясом.

Вечером, когда мама раздевала Айсфинг – Линару, выяснилось, что вся спина у девчонки представляет из себя один большой синяк с множеством царапин. Синяки были также и на ногах. Два падения и быстрая скачка не прошли без последствий. Мама принялась ругать княжну за легкомыслие, но та только удивилась:

– Это нормально. Я же в битве участвовала. Вы же сами помогали мне рюкзак доставать и прятать?

Только тут мама поняла, что мы не просто так отсиживались в замке, и потребовала подробностей. Пока я рассказывал, мама причитала и ставила княжне примочки. Та даже не стонала.

Так закончился этот длинный день, день недели, которая полностью изменила мою жизнь.

Через три дня после набега был праздник в честь богини изобилия. Жрец объявил, что в этом году жертву для богини не будут выбирать сред жителей селения, а принесут в жертву двоих воинов из числа захваченных в плен врагов. Эта новость вызвала заметное оживление в рядах селян.

Я никогда не любил эти праздники изобилия. Мне было страшно смотреть, как все жители селения с горящими глазами смотрели на то, как с вопящей жертвы сдирают кожу и режут на куски. Когда мне давали кусочек мяса от жертвы, я обычно отдавал его собаке, хотя это было против правил – считалось, что если кто-то из людей не съест свой кусок жертвы, то его посевы поразит неурожай. Впрочем, посевов у нас не было, а потому неурожая я мог не бояться. Мама жевала мясо безучастно, а остальные взрослые ели с удовольствием и оживлённо обсуждали недостатки принесённого в жертву односельчанина.

В этом году я сплавил мясо Айсфинг. В момент, когда она брала мясо, мне ещё раз показалось, что её глаза блеснули красным. Мясо она съела с большой жадностью.

* * *

Айсфинг начала жить с нами. Её представления о том, что считать нормальным, ещё не раз удивляли нас с мамой. Помещик посылал гонцов с целью найти родственников купца из

погибшего каравана, у которого была с собою дочь. На наше счастье, караван шёл из очень дальних земель, и если кто-то и мог припомнить купцов каравана, то в том, у кого из них была дочь, мнения всегда расходились. Помещик несколько раз вызывал Айсфинг и сообщал эти вести со скорбным видом. Княжна выслушивала новости с каменным лицом, а на вопросы о своем месте происхождения говорила, что не знает.

Соседи на нас больше не нападали. Они и так очень много чего лишились, оторвав от уборки столько мужиков, кроме того, многие из них оказались ранены, убиты или взяты в плен.

Пленных наш помещик заставил убирать урожай, благодаря этому продуктов было запащено намного больше, чем обычно. После окончания уборки пленных отпустили. Уходили они очень невеселыми, дома их ждали поля с осыпавшимися злаками и сгнившими овощами. Вряд ли помещики будут кормить их всю зиму за свой счет.

Глава 4. Чёрные колдуны

Начались первые холода, а вместе с ними началась и занятия в школе. У нас довольно большое село. Когда-то это был небольшой город, но после катастрофы население сильно уменьшилось, и теперь мы едва годимся на хорошее село. Тем не менее, у нас много детей, для которых с осени по весну работает школа. В школе три учителя, они ведут огромную программу занятий длиной в целых пять классов.

Айсфинг по возрасту полагалось ходить в школу. Мама ещё до начала занятий отвела её в школу, учитель дал княжне пробные задания. И тут выяснилось, что Айсфинг прекрасно считала в уме, но не умела записывать наши цифры. Она очень четко и чисто говорила, но не знала ни одной нашей буквы. Я думал, что она попадет в четвертый класс, а попала она вместо этого в первый. Мы оказались в разных классах, я шёл в четвертый.

Для меня это был пятый год обучения, один год я зимой проболел и не смог сдать переходные экзамены. Я был не единственным второгодником в нашей школе. Некоторые школяры учились уже восьмой, а то и девятый год. На второй год у нас оставляли безжалостно, помещик требовал, чтобы в следующий класс переводили только тех, кто этого достоин, а из школы выгоняли в восемнадцать лет. Некоторые наши односельчане так и остались с одно – двухклассным образованием.

На четвёртый день после неудачного штурма мы с мамой и княжной отправились в город. Ехали мы не одни, мы отправились с обозом, который посылал князю помещик. Обоз вёз первую часть ежегодной дани и доклад о нападении объединённых вражеских сил. До сих пор наши односельчане между сёлами не ездили, а тех, кто сопровождали обоз, считали самоубийцами. На эту работу помещик назначал тех, кто провинился. Необходимость покинуть село привела маму в ужас, который старательно подогревали все соседки. Мама еле заставила себя собраться и сесть в телегу.

Через два дня, переночевав в дружественном селе, мы благополучно прибыли в город. Мы расстались с обозом после прохождения городской стены и сразу отправились к менялам. С обменом золота проблем не возникло, наши менялы приняли «небесное» золото без возражений. С камнями всё получилось намного сложнее.

Мы везли на продажу три камня: два красненьких и один беленький. Айсфинг говорила, что красненькие дороже, так как могут использоваться в боевой магии, а беленький может только замедлять или лечить. Поскольку в нашем мире никто волшебными камнями не торговал и магазинов таких не было, мама решила сперва разведать обстановку.

Поначалу мама отправилась к дальним родственникам и договорилась о ночлеге. Потом мы пошли в квартал, где торговали разными лекарствами и амулетами. Торговцы предлагали различные «очень действенные» амулеты для счастья и здоровья на основе разных трав или печени птиц, но про Камни Силы не слышали. В конце концов нам посоветовали сходить к одному из княжеских колдунов.

До этой идеи мы прекрасно додумались и сами, но попадать в поле зрения княжеских людей мама не планировала, поскольку при этом возникал закономерный вопрос: «А где вы взяли этот камень?». Отвечать на него нам совершенно не хотелось.

До вечера этого дня мы успели только продать курточку Айсфинг (ту самую, шитую золотом). Курточка ушла за совершенно дикие деньги в первой же роскошной лавке. Купец, приобретший её, выглядел очень довольным. Похоже, он считал, что купил вещь очень дёшево. На вырученные от продажи курточки деньги мама накупила княжне одежды. Те вещи, в которых наша гостья ходила до сих пор, никуда не годились. Как правило, это были сильно ушитые старые мамины вещи, или обноски соседских детей.

Вечер пролетел в разговорах – маме было, что рассказать родне, так что встали мы на следующий день очень поздно.

Понутру мы пошли к одному из княжеских колдунов. Про него говорили, что он обычный человек и специализируется на целительстве и предсказаниях. Это позволяло надеяться на то, что он не самый свирепый из племени магов и что он не сразу подвесит нас над очагом в поисках ответов на вопрос о происхождении камня. Родня строго – настрого не рекомендовала нам приближаться к колдунам, в имени которых есть слово «чёрный» – говорили, что это чудовища, которые живут по несколько сотен лет, и что никакой жалости в них нет.

Колдун жил в очень миленьком домике, совсем не похожем на крепость, и производил впечатление доброго дедушки. Он довольно быстро принял нас и с улыбкой выслушал сбивчивые мамины объяснения. Мама с непривычки перепутала половину того, чему учила её говорить с Айсфинг, но цену назвала правильно – полная кружка золота.

Услышав цену, колдун было рассердился. Из-под облика благообразного доброго дедушки с белой бородой проглянул безжалостный, жёсткий человек, привыкший повелевать – именно такой, какими изображала магов молва. Однако, получив в руки белый камешек, колдун смягчился. Покрутив его в руках так и этак, он неожиданно быстро согласился на указанную цену.

Деньги нам отсчитывал домоправитель, сухой и мрачный, гораздо больше похожий на злого колдуна, чем его хозяин. Всем своим видом он демонстрировал неодобрение этой сделки, но сказать что-либо против хозяина так и не рискнул.

Мы вышли на улицу, не в силах поверить в произошедшее. Айсфинг ликовала и поддразнивала меня моими «жалкими запасами золота». Радость длилась недолго. Не успели мы дойти до рынка и прицениться к коровам, как Айсфинг присела на корточки и сжала голову руками. На лице у неё отразилась сильная боль. У нас с мамой тоже закружились головы, кое-кто из торговцев схватился за сердце.

– Что он делает? Кто его учил? Так же нельзя! – шептала княжна. Из глаз у неё текли слезы.

Мы с мамой удивленно уставились на маленькую госпожу.

– Возвращаемся! – скомандовала Айсфинг, пробиваясь к выходу с рынка, – Я этого неуча отшлёпаю!

– А что он такое делает? – удивилась мама, хватая девочку за рукав с явным намерением никуда не пускать, особенно шлёпать взрослых колдунов.

– Магия – это как плотина с водой, из неё надо выпускать тоненькую струйку и туда, куда надо. А он сразу убрал все стены у плотины, – снизошла до объяснений княжна. Она даже не заметила маминой попытки её удержать, так и тащила за собой.

Но никакого урока магии в этот день получилось. Земля вздрогнула и ударила нас по ногам. Все, кто был на рынке, повалились на землю. Над дальней частью города – там, где жил колдун, – начал расти столб дыма. Послышались тревожные крики. Кто-то кричал о том, что разрастается пожар, кто-то кричал, что разрушено много домов.

– Допрыгался, – процедила княжна, поднимаясь с мостовой.

Толпа хлынула с рынка – кто домой, кто смотреть пожар, а кто спасать свои дома. Мы немного посоветовались и решили сходить посмотреть на место происшествя – Айсфинг сказала, что это может помочь понять, что произошло.

Пока мы пробирались сквозь толпу, прошло довольно много времени. Из замка успела примчаться конная стража. Она оцепила весь квартал и никого не пускала внутрь. Тушить пожар эта стража даже не пыталась, высокие и мрачные воины в доспехах следили только за тем, чтобы никто ничего не стащил. Горящие дома тушили обычные городовые, и прибыли они намного позже замковой стражи.

Нам, как и всем остальным зрителям, оставалось наблюдать за происходящим из-за оцепления. Посмотреть было на что: квартал с живописными домиками превратился в руины, посередине квартала – там, где был дом колдуна, – дымилась огромная воронка, как будто какой-то великан стукнул по земле кулаком. По мере того, как рушились выгоревшие дома, становилось всё лучше видно, чем занимается замковая стража. Эти люди не пытались спасти дома или тушить пожары, наоборот, они старательно разрушали все, что плохо держалось. Случайно уцелевшие жители квартала – те, которые во время взрыва находились в других местах, – только охали, глядя на то, как силачи специальными шестами обрушивали очередную стенку.

А ещё воины что-то искали. Распоряжался неизвестный нам колдун. Весь закутанный в черное, с капюшоном, надвинутым на самые глаза, он даже на значительном расстоянии производил впечатление угрозы. Воины, которые подходили к нему с докладом, отлетали выполнять поручения так резво, что сразу становилось ясно, кто тут держит первенство по строгостям.

– Архиндильно Чёрный, – нёсся по толпе испуганный шёпот. Очевидно, в городе хорошо знали этого колдуна, и совсем не по фейерверкам на праздниках.

Через час поисков стража наконец нашла то, что искала. Колдуну поднесли какой-то предмет на обломке доски (руками воины старались его не касаться). Архиндильно бесстрашно взял предмет рукой, затянутой в черную перчатку, и поднял в воздух, разглядывая на свету.

– Ой-ой-ёшеньки, – выдохнула Айсфинг. Я мог её понять. В поднятой руке колдун держал наш камешек.

Обнаружив искомое, колдун быстро покинул пожарище. Ему подали карету. Часть стражи двинулась сопровождать карету, остальные получили приказ снять оцепление и помочь пожарным. Только теперь погорельцы смогли пройти к своим домам. Поднялся вой.

Мы быстренько отступили. На пути к дому мама, задыхаясь от спешки, наставляла нас с княжной:

– Значит так, мы никакого камешка не продавали, и даже не слышали про него. Мы приехали купить корову и одежду. А чтобы на рынке никто нас не признал... оденем тебя девочкой! И из дома ни ногой, пока караван обратно не пойдёт!

Идея одеваться девочкой мне совсем не понравилась, но мама была неумолима. Как только мы пришли домой, новые наряды Айсфинг были немедленно пущены в дело. Княжна здорово повеселилась, разглядывая меня в обновках и предлагая разные бантики.

Мамина правота подтвердилась ещё до того, как мне подобрали последний бантик. У дверей дома с грохотом остановился отряд всадников. Они искали женщину с мальчиком и девочкой, приезжих. Наши родственники, приученные к разным поворотам городской жизни, сразу принялись врать, что были такие, да утром съехали. Они не так уж и сильно врали – мы были не единственными их постояльцами, в этом районе города комнаты сдавали почти все. Утром несколько семей действительно уехали.

Воины ответом не удовлетворились и принялись осматривать дом. Все четыре семьи постояльцев были им представлены, мы тоже вышли. На наше счастье, дети были у всех семей. Раздевать нас воины не стали и ускакали ни с чем.

После ухода стражи мама тяжело опустилась на ларь, служивший нам кроватью, и не могла встать следующие полчаса.

Следующий день мы отсиживались дома. Мы с Айсфинг играли в шашки, мама болтала с родственниками. Выиграть у княжны в шашки оказалось почти невозможно.

Новости с улицы приходили самые пугающие. По словам наших родственников, княжеская стража с ног сбилась, разыскивая женщину с двумя детьми, которая приходила к погибшему колдуну. С собою стража водила неких людей, которые якобы видели эту женщину на рынке.

– Как они узнали? – удивился я.

– Скорее всего, прошли по рынку, по рядам колдунов, и спросили, не видел ли кто что подозрительное, – предположила мама, – поэтому я тебя вчера и передела в девочку.

– Из города, возможно, придётся бежать, даже если придётся бежать в ночь, – весело заявила Айсфинг, расставляя шашки.

Но в этот день стража до нас не добралась, а на следующий мы уже уезжали с караваном. Меня усадили в телегу и на всякий случай прикрыли сеном до пояса. Мама с Айсфинг шли рядом.

Мы уже предвкушали приятную прогулку до дома, но у городских ворот все наши планы рухнули. Ворота были закрыты, а по стене метались заметно испуганные стражники. Мужики перед воротами передавали друг другу новость о том, что под стенами города стоит неведомая армия и никого не выпускает. Я хотел спросить о том, как эта армия попала сюда ночью, но этот вопрос возник не только у меня. Сразу несколько человек задали его, и ответ всех испугал.

– Они пришли сюда ночью, их привёл сильный колдун, – бросил пробегающий мимо солдат, – стойте в сторонке и будьте готовы возвращаться туда, где ночевали.

Когда молчание затянулось, Айсфинг попыталась успокоить извозчиков. В воздухе прозвучал её тоненький голосок:

– Ничего в этом особенного нет, достаточно иметь шатёр из ткани попрочнее и поддерживать в нём свет всю ночь, купцы часто так делают, когда расстояние между сёлами больше одного перехода.

Княжне никто не ответил, но её слова никого не успокоили. Всем было известно, что стало с купеческим караваном, из которого якобы происходила Айсфинг, а эти воины ночью не просто спали в шатрах, они ещё и шли...

Послышались резкие крики: «В сторону! В сторону!». Мимо нас, размахивая плётками, проскакали княжеская стража. Она сопровождала виденного нами ранее сурового колдуна. Тот едва удостоил взглядом наши телеги, спешился и начал подниматься на стены. Вскоре мы услышали его голос. Удивительно, говорил он вроде бы как негромко, но каждое слово было слышно далеко вокруг. Похоже, голос был усилен магией.

– Как смеешь ты, Ансельмо Чёрный, осаждать город нашего князя, верного слуги великого князя, когда его нет дома? – сказал «наш» колдун, поднявшись на надвратную башню.

Ответов его противника мы не слышали, поэтому приходилось догадываться.

– В этом городе нет ничего такого особенного, что могло бы тебя заинтересовать, и выдавать мне тебе нечего, зря ты сюда гнал свою армию, – была вторая реплика Архиндильно Чёрного.

Похоже, с той стороны колдуна жестоко осмеяли, даже с нашего места было видно, как напряглась его фигура.

– Нет здесь никаких огромных источников магии, – пытался упорствовать колдун.

На этот раз речь его противника длилась очень долго. В конце этой речи колдун нашего князя согласился:

– Хорошо, три дня.

На этом переговоры закончились. Спустившись со стен, колдун проскакал мимо нас так стремительно, что всем стало ясно, какая ярость его распирает.

Некоторое время спустя стражники объявили, что город в осаде и что нам следует вернуться на места постоя. Правители договорились, что Архиндильно Чёрный – «наш» колдун – не позже, чем через три дня предоставит колдуну великого князя, Ансельмо Чёрному, какой-то огромный источник магии, а до этого никто не сможет покинуть город или войти в него.

Мужики начали ворчать, что у них закончились деньги, и что никто их задаром в постоялые дворы не пустит. На это стражники любезно предложили обращаться со всеми вопросами в княжескую резиденцию и пригрозили плётками. Караван развернулся и растёкся по городу. Мы вернулись к родственникам.

К концу дня хозяева принесли новости. Продовольствие на рынке подорожало в десять раз, а княжеская стража начала глубокие обыски: теперь они не просто ходили по домам и искали женщину с двумя детьми, а полностью выгоняли людей из домов, обыскивали дома и жильцов. Проверенные районы отделялись от остальных цепочкой солдат. На наше счастье, начали они с дальнего района.

– Здесь, в городе, половина народа живет от продаж награбленного – того, что одно село отбирает у другого во время набегов, или от других дел, с которых не платят налоги князю. Если проверять все дома, то у многих возникнут протесты. Уже начались нападения на солдат, а к третьему дню город вообще взорвётся. Похоже, этот паук за стеной только этого и дожидается, чтобы придти и самому взять всё, что надо, – так закончил хозяин дома свой рассказ.

Мы с Айсфинг переглянулись.

– Если стражники до нас доберутся, нам останется только удирать через стену. И лучше ждать третьего дня, когда всем будет не до нас, – зашептала княжна.

– А на стену и со стены мы как взлетим?

– Я стену вблизи хорошо рассмотрела, там между камнями такие щели, что мы по ним как по ступеням ходить сможем. Мы с тобой и по более сложным зацепкам на вдесятеро большую высоту карабкались, – заверила меня княжна.

– Может, просто отдашь им камни?

– Да что ты, ты их нравы видел? Они нас с тобой выпотрошат и над костром повесят, чтобы узнать, где побольше таких камней взять. Что, рассказывать им об облаке? Не поверят.

– Вы что там шепчетесь? – прикрикнула мама.

Мы замолчали. План побега через стену маме вряд ли понравился бы.

На следующий день оказалось, что княжеская стража под управлением Чёрного – это не самая большая опасность. Слова «белый камень – источник магии» и «женщина с мальчиком и девочкой» растеклись по всему городу. Недалеко от нас на постоялом дворе ночью убили женщину и двух детей. Вся вина женщины заключалась в том, что у неё на пальце был перстень с большим светлым полудрагоценным камнем. В городе Чёрный был не единственным колдуном. Мало того, кроме колдунов, желавших изучить редкий источник магии, город был переполнен личностями другого рода. Эти были готовы на любые действия, чтобы получить от колдуна за стеной вознаграждение за ценный предмет.

– Бежать вам надо, – пришёл к выводу наш квартирный хозяин, – и я, пожалуй, с вами пойду.

– Собирайтесь, – строго сказал мама.

– Но как же мы попадём за стену? – удивился я.

– Собирайтесь, – сердито повторила мама и отвесила мне подзатыльник.

После недолгих сборов мы проследовали в подвал. Хозяин открыл замаскированный люк в полу и посмотрел на меня:

– Понимаешь ли, стража на воротах берет слишком большую долю от всего, что ты хочешь ввести в город. Поэтому некоторые люди бывают очень благодарны тем, кто помогает их товарам миновать глаза городской стражи. Но у меня тут залежались некоторые товары, которые лучше не видеть тем, кто будет обыскивать дом. Поэтому я иду с вами, а вы мне можете вытащить то, что не унести мне одному. Смекаешь?

Я как-то сразу понял, что домик наших родственников хотя и находился в глухом и неудобном месте, но не так далеко от городской стены.

Мама тащила тук с покупками для Айсфинг, а нас с княжной загрузили, как ослов. Мешки пришлось не нести, а именно тащить – ход был невысоким, и даже нам с княжной местами приходилось не идти, а ползти. Мешок при этом двигался сзади, на верёвке. Учитывая то, что я был в платье, это было вдвойне неудобно. Айсфинг и тут не удержалась от подначки:

– Испачкаешь моё новое платье – прибыю!

Учитывая то, что к этому моменту я уже с десятков раз переходил с карачек на пузоползание, о чистоте платья речь уже идти не могла. Я не остался в долгу:

– Ничего! Вырасту, куплю тебе новое, с коровкой спереди.

– Не хочу с коровкой. Хочу с бриллиантами и золотым шитьём, и чтобы в форме курочки.

У Айсфинг была удивительная особенность – даже тогда, когда она шутила, она говорила с совершенно серьёзным видом, и никогда не смеялась.

Ползти пришлось долго, почти два часа.

– Как вам удалось вырубить такой длинный ход? – спросил я у дяди во время недолгого отдыха.

– Дома надо же из чего-то строить. А чем рубить камень по кругу, прямо под городом, лучше вырубить его в нужном направлении. И за камни деньги получаешь, и ход полезный. У меня три поколения предков камни для строительства продавали, – улыбнулся дядька.

Вылезли мы в лесочке недалеко от городской стены. Я думал, что мы проползли так много, что города даже не увидим, но мы оказались совсем близко от стен. Замаскировав листовый люк, дядька повёл нас вглубь леса. Через некоторое время мы подошли к водяной мельнице, колесо которой вращал маленький ручеёк.

– Где этот проклятый мельник? – заворчал дядька, подходя к дому. Ответ был найден быстро, и он нам совсем не понравился. Кто-то разгромил мельницу и, скорее всего, убил владельцев. Дядька осмотрел отметины на стенах, выбитую дверь и вынес решение:

– Воины Ансельмо. Никто другой не смог бы победить старину Милоко. У него был мощный клан. А эти пользовались тараном для двери, луками... Умелые воины. Судя по всему, они намеренно разрушили всё жильё вокруг.

Мы с княжной полезли исследовать дом мельника вслед за дядькой. Дом был похож на крепость – толстые стены, маленькие окна – бойницы, выходы на крышу с окошками для стрельбы из луков... И весь этот дом был старательно разрушен. Все крыши были продырявлены, а двери снесены с петель и сожжены. Кто-то очень постарался, чтобы ни у кого, кто сможет выбраться из города, не было пристанища на ночь.

Мама с дядькой начали совещаться – что делать, идти в соседнее село или возвращаться в город.

– Не успеем в село до темноты. Кроме того, там наверняка на постое армия Ансельмо. Мы им очень понравимся, – покачал головой дядька.

В город он тоже возвращаться не хотел. Я заподозрил, что с бегством он не столько помогал нам, сколько заботился о себе.

В итоге решили попытаться восстановить одну из комнат, самую маленькую. Нас отправили за дровами, а дядька с мамой начали заделывать дыру в крыше и закладывать камнями дверной проём, а также разбитую стену.

Мы почти успели. К вечеру взрослые заделали досками крышу, пролом в стене заложили битым камнем. Мы с княжной натаскали веток, да столько, что в комнате всё не поместилось, часть пришлось сложить в коридоре. Впрочем, на княжну Айсфинг сейчас была меньше всего похожа – в простой одежде, с лицом, исцарапанным ветками, её никто бы не отличил от обычной девчонки. Несколько раз я даже забывал, кто она такая, и начинал подшучивать в нашей обычной грубоватой школьной манере. И только когда вместо обычного: «Дурак – дурак» встречал ледяное молчание, вспоминал, что она моя госпожа. Айсфинг как-то умела показать неодобрение без слов, одним молчанием.

Часть драгоценного времени ушла на то, чтобы спрятать дядькины вещи в хитроумный тайник, устроенный в лесу. Дядька сказал, что об этом тайнике знали только он и мельник. Обратно мы шли уже в полутьме. Мне за каждым деревом мерещились Тени.

К наступлению темноты на полу уже весело потрескивал костерок, а на нём закипал котелок. Но ещё до того, как мама успела засыпать в него крупу, по потолку затопали Тени. Или

не Тени, а кто-то другой, более увесистый, но не менее злобный. Ощущение паники, которое он распространял, было не слабее, чем от самых крупных Теней. Шаги на время затихли. А потом...

Ба-бах! – наша входная дверь, сделанная из связанных сучьев и заваленная камнями, отлетела в сторону. Обернувшись, я заметил только тёмный силуэт, стремительно исчезающий за углом. А за дверью, в коридоре, толпились крупные Тени. Света нашего костерка было недостаточно, чтобы удержать их всех за порогом. Маленькие тени, просочившиеся через щели, он бы ещё отпугнул, но этих гигантов... Я подумал, что надо бы подкинуть в костер веток и шишек. Айсфинг оказалась быстрее. Она швырнула в проем горсть красных камней и зашептала заклинание. Между камнями зазмеились молнии, а затем раздался взрыв. Далеко в коридоре взвыл кто-то, совсем не похожий на Теней.

Когда немного улеглась пыль, Айсфинг бесстрашно вышла в коридор, неторопливо собрала камешки и вернулась. Только тут я наконец подкинул в костер топливо. Шишки весело затрещали.

Айсфинг вошла в комнату, пристально посмотрела на дядьку и спросила:

– Ты ведь никому не скажешь, правда?

А потом для убедительности кинула один красный камешек дядьке на колени.

Дядька, старательно замерев в неподвижности, скосил глаза на камешек и самым ласковым голосом ответил:

– Нет, молодая госпожа, никому не скажу. Хотя для тех, кто не боится ночи... их услуги могут быть очень, очень востребованными...

– Ты никому не скажешь, – с нажимом повторила княжна, – ни друзьям – контрабандистам, ни наёмным убийцам, ни другим «востребованным людям».

– Как скажете. Все знают, что тайна и я – нет ничего надежнее, когда мы вместе.

Айсфинг наклонилась и забрала камешек. Дядька облегченно расслабился. Возможно, мне показалось, но в тот момент я был уверен, что дядька испугался Айсфинг больше, чем всех Теней, вместе взятых.

Дверь вернули на место и завалили ещё большим количеством камней. Потом мы молча поужинали. Айсфинг села напротив двери, камешки в руке, и приготовилась так просидеть всю ночь. Чтобы княжна не заскучала, я уселся рядом и начал рассказывать разные мифы про наших богов. Ни про нашу религию, ни про подвиги богов Айсфинг ничего не знала.

Ближе к утру неведомый злоумышленник попытался повторить свой трюк, но на этот раз с проломом в стене. После случая с дверью дядька поднавалил камней и сучьев ещё и к стене. Но удар был настолько сильным, что проём освободился почти до середины. И опять за проломом я смог увидеть только Теней. Айсфинг в ту же секунду привела в действие свою жуткую магию, а дядька закрыл проём плетенками из веток, а затем ещё и завалил камнями.

– Полагаю, наружу ты сейчас выходить не будешь? – спросил он у княжны.

– Нет, их там ещё много может быть. Утром подберу камни, – ответила Айсфинг, крутя на пальце дешевое медное кольцо с невзрачным крупным бледным камнем. Этот камень я ей вставил позавчера, после того, как выкинул из купленного перстня цветное стекло. Дядька посмотрел на перстень и, кажется, понял, что это не просто детская игрушка.

– Сестра говорила, ты из купеческого каравана, из дальних земель. Из каких?

«Сестрой» дядька назвал мою маму больше из вежливости, строго говоря, они вообще родственниками не были – эта семья состояла в дальнем родстве с моим папочкой.

– Все говорят, что из страны Озии.

– А название своей страны ты, конечно, не знаешь?

– На вашем языке не знаю.

– В Озии поклоняются другим богам, но все легенды про наших богов там знают даже дети. Про них на праздниках театральные представления показывают, так как имена своих

богов упоминать у этого народа без надобности запрещено. Судя по твоим вопросам, ты слушала легенды в первый раз. Больше не прокалывайся так. Будь осторожней... маленькая госпожа.

Айсфинг изобразила ледяной взгляд, но ничего не ответила.

Остаток ночи прошёл спокойно. С рассветом Айсфинг вышла и собрала свои камни. Потом мы попытались немного вздремнуть, но наш сон почти сразу был прерван отрядом конников. Нас безжалостно вытряхнули из каморки и поставили перед начальником отряда. Тот без обиняков спросил:

– Как вам удалось выжить ночью?

Дядька принялся ломать комедию, ползая в ногах и просить не убивать его, такого бедного, и его несчастных родственников, которые с трудом спаслись от голода в городе, еле-еле добрались до жилья его друга – мельника, а тут такое горе – дом разрушен, мельник убит...

Командир отряда, совсем молодой ещё парень, наверное, самый младший офицер, несильно пнул дядьку по спине:

– Мне безразлично, кто ты и как обстоят твои дела мелкого контрабандиста. Так я и поверил, что вы беженцы. Небось, хотел со своим дружкой – мельником продуктами в городе поспекулировать. Только мы его взяли уже давно, во временном лагере он сидит, вместе со всеми остальными жителями пригородов. Но я спросил, как вы выжили ночью. Наш господин сказал, что здесь творилась магия высшего порядка. Мы скакали полночи, чтобы выяснить это. Я должен найти этого мага и пригласить к моему господину. Отвечай, кто здесь колдовал и как вы выжили в этом насквозь дырявом доме? Иначе я познакомлю тебя с моим мечом.

Дядька изобразил искреннее удивление:

– Колдовал? Ничего особенного, мой господин. Заделали дыры досками, костер всю ночь, так от ночных обитателей и спасались. Другое дело, что здесь ночью кто-то шастал, в дверь стучал с такой силой, что чуть не падала... Мы чуть от страха не умерли. Может, это он магию применял?

– Ночью кто-то шастал и дверь с силой пинал? Ты меня что, за дурака принимаешь? Ночные Тени даже веточку поднять не могут, они только жизни высасывают.

Но тут офицера позвали собственные солдаты. Они все вместе принялись рассматривать следы под окнами и совсем позабыли про нас. Через час отряд умчался. Нам велели двигаться в лагерь для переселенцев, сказали, что там предоставят жильё и еду. Мы посоветовались и решили остаться.

Ночь прошла спокойно. Неведомое чудовище нас больше не тревожило, но решение остаться на мельнице едва не стоило нам жизни.

Неприятности начались поздним утром, когда мы уже позавтракали. Сначала послышался топот множества конских копыт. Звучал он как гром судьбы и не предвещал ничего хорошего.

Дядька прислушался и сказал:

– Надо бежать.

Идея сбежать так и осталась благим пожеланием. Раньше, чем мы успели даже привстать, на дороге показался огромный конный отряд. Все пространство вокруг мельницы как-то вдруг оказалось заполнено всадниками. Это были очень странные воины. Одеты в черные доспехи, в чёрных шлемах и чёрных плащах, они были вооружены всем возможным оружием. У всех лица были закрыты чёрными платками. Они разъезжали во всех направлениях и что-то высматривали на земле. На нас они внимания не обращали.

Через некоторое время прибыл их главный. Приехал он на огромном чёрном жеребце, за ним следовала карета и несколько повозок. Едва соскочив с коня, главарь начал отдавать приказы. Это был высокий и стройный человек, двигался он очень быстро, но в его движениях

было что-то странное, как будто это были ускоренные движения дряхлого старика. Командиры черного воинства перед ним просто стелились.

Отдав приказания, главарь соизволил заметить наше существование. Он прошествовал к нашему костру, и вот тут-то мы испугались по-настоящему. Подойдя поближе, чёрный главарь рывкнул:

– Чаю!

Его приказ был сродни изданию новых законов природы: его не интересовало, есть ли у нас заваренный чай, или хотя бы кипяток. Подразумевалось, что если он потребовал чаю, то чай у нас должен быть, а если его нет, то тем хуже для нас. Издав закон природы, главарь отвернулся и приказал сопровождавшему его офицеру:

– Узнай, почему они не на сборном пункте или не мертвы.

От повозок уже бежали слуги с набором посуды. Процесс наливания чая (на наше счастье, он у нас был) несколько отвлек от размышлений о том, прямо сейчас прибывшие будут исправлять недостаток с нашим выживанием, или немного погодят.

Ожидая доклада, чёрный главарь вытащил из рукава белый камешек и принялся его с интересом рассматривать.

Мы слишком хорошо знали этот камешек. Несколько дней назад мы выручили за него кучу золота. Можно было быть уверенным в том, что перед нами собственной персоной Ансельмо Чёрный, который всё-таки сумел отобрать магический камень у коллеги по профессии.

К счастью, колдун не заметил нашего испуга, или принял его за другой испуг. Дело в том, что, поднося кружку ко рту, он вынужден был снять повязку с лица. Под повязкой обнаружилось почти нечеловеческое лицо, такие лица я видел только у тех, кого высосали Тени.

Постепенно начали подъезжать всадники с докладами. Мы в них ничего не поняли, а потому просто ждали. Через полчаса прибыл офицер, памятный нам по вчерашнему дню. Колдун задал ему тот же вопрос – почему мы не мертвы или не в лагере. Офицер, припав на колени и склоняясь до земли, ответил, что вчера велел убираться нам в лагерь, а если мы его не послушались и решили погибнуть здесь от Теней, то это наш дурацкий выбор.

– Иди, – отпустил его колдун полурыком – полуплевком.

Ещё около часа колдун потратил на изучение следов около мельницы. Потом он вернулся и, глядя куда-то в сторону, спросил:

– Как вы выжили при нападении ночного чудовища?

Мы даже не сразу поняли, кого он спрашивает. Охранники подняли копья, чтобы наказать нас за непочтение, но дядька торопливо ответил:

– Простите, что замедлили, но мы ничего не знаем, мы только все проёмы камнями заваляли и костёр всю ночь жгли.

– Это существо применяло магию? Я чувствую следы очень интересной магии. И не пытайтесь меня обмануть. Меня даже колдуны боятся.

– Не могу знать, но может быть, у нас камни, что дверь закрывали, как песок летели, когда оно пыталось внутрь ворваться.

Колдун хмыкнул и отошёл, сделав предварительно знак охране. Мы уже приготовились к худшему, но офицер охраны всего-навсего сообщил, что осада города снята и мы можем по своему выбору идти в город или в ближайшее село. Ещё он посоветовал нам дожждаться их отбытия, чтобы не быть затоптанными по дороге.

Оное отбытие состоялось через несколько минут. Чёрные кавалеристы так же организованно собрались и ровным строем по четыре – залюбуешься – умчались туда, откуда прибыли. Я даже немного помечтал попасть в такой отряд – сильный, чёткий и быстрый.

Взрослые посовещались и решили, что сейчас правильнее всего будет идти в то село, что лежало на полпути между городом и нашим селом. Хотя это было и не ближайшее к нам селение, но до вечера мы должны были успеть.

Через час неспешной ходьбы мы повстречали на дороге совершенно целого и невредимого мельника со всем его семейством. Сначала мельник и наш дядька долго и шумно радовались тому, что выжили. Потом мельник так же шумно жаловался на судьбу, которая лишила его обустроенного дома. Мы его немного утешили тем, что как минимум одну комнату сделали пригодной для проживания.

Потом дядька с мельником отошли в сторону и с самым заговорщическим видом очень долго шептались о чём-то своем. Мы потеряли так много времени, что стали опасаться не успеть дойти до «нашего» села засветло. Я уже начал ныть и хотел поторопить взрослых, но мама сказала: «Воспитанные себя люди не проявляют нетерпения», и пришлось ждать молча. Потом дядьки все-таки распрощались, и мы двинулись дальше. При выходе на тракт нас поджидал приятный сюрприз в виде каравана из родного села.

Изрядно заскучавшие в городе мужики приняли нас с радостью, нам с Айсфинг даже разрешили ехать в телеге. Да, ехать на повозке было куда приятнее, чем топтать на своих двоих!

Глядя на то, как хорошо мы устроились, дядька изменил решение и вернулся к мельнику.

– Наверное, боится, что мельник себе слишком большую часть контрабанды присвоит, – сопровождала его уход Айсфинг ехидным комментарием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.